

Александр Михайловский
Юлия Маркова

ПОБЕДИТЕЛЕЙ НЕ СУДЯТ

16+

ГРОЗА ПЛЮС - 3

Юлия Маркова
Победителей не судят

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Маркова Ю. В.

Победителей не судят / Ю. В. Маркова — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

ISBN 978-5-5321-1016-8

Третий том саги "Гроза плюс". Третий Рейх разгромлен, ранее оккупированная им Европа занята советскими войсками, но это только начало бурных событий, охватывающих оба мира, связанных между собой межвременными порталами. Освобождение Испании от Франко в 1941 и Украины от бандеровцев в 2018-м году, очередная польско-советская война и роммелевский переворот в Германии.

ISBN 978-5-5321-1016-8

© Маркова Ю. В., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Часть 9-я. Гибель старого мира	6
Конец ознакомительного фрагмента.	47

В оформлении обложки использована фотография сделанная во время ввода советских войск в Чехословакию весной 1968 года и так как с момента этого события прошло больше 50-ти лет, являющаяся общественным достоянием.

Часть 9-я. Гибель старого мира

10 августа 1941 года. Раннее Утро. Москва, Кремль, кабинет Верховного Главнокомандующего

Присутствуют лично:

Верховный главнокомандующий Иосиф Виссарионович Сталин;

Начальник Генерального штаба маршал Борис Михайлович Шапошников;

Нарком внутренних дел генеральный комиссар госбезопасности Лаврентий Павлович Берия;

Нарком иностранных дел и председатель Совнаркома Вячеслав Михайлович Молотов;

Нарком экономического развития Алексей Николаевич Косыгин.

– Должен доложить всем присутствующим, – прокашлявшись, произнес Шапошников, – что в течение вчерашнего дня наши войска продолжали продвижение к Атлантическому океану. На сегодняшнее утро 1-я ударная армия ОСНАЗ находилась в тридцати километрах от Амстердама, передовые танковые части 2-й ударной армии ОСНАЗ вышли к побережью пролива Ла-Манш в районе Дюнкерка и повернули на юг, 3-я ударная армия ОСНАЗ, продвигаясь на юг по долине Соны, без боя взяла Дижон. Германские части сдаются в плен, не оказывая сопротивления. Французское, голландское и бельгийское гражданское население встречает наши войска цветами, как освободителей. Англичане пока ведут себя вполне корректно, провокаций в воздушном пространстве Франции не отмечено.

– Из всего этого следует, – сказал «лучший друг советских физкультурников» и Верховный Главнокомандующий, окинув взглядом своих верных соратников из ближнего круга, – что войну с германским фашизмом мы выиграли, Европа лежит перед нами, что называется, на блюдечке, и теперь нам надо выиграть мир.

Молотов хмыкнул.

– Англичане передали в наше посольство в Лондоне уже три ноты, протестующие против действий наших войск в Европе и на Балканах, – ухмыльнулся он, – но посол Майский, следуя нашим указаниям, просто складывает их в папку, поскольку мы не собираемся оправдываться или отчитываться за наши действия перед британским Кабинетом. Сидящее в Виши коллаборационистское правительство Петена через нашу дипмиссию в Швейцарии уже несколько раз обращалось к советскому руководству с предложением «урегулировать отношения».

– Пусть приезжают к нам на Лубянку, – сказал Берия, – тогда мы все и урегулируем. Кстати, товарищ Молотов, в наш наркомат поступила информация, что в Кенигсберге уже дней десять сидят специальные посланники американского президента Рузвельта и британского премьера Черчилля, с которыми наши якобы союзники из будущего ведут какие-то закулисные переговоры.

– Мы знаем об этих переговорах, – ответил Молотов, – и с санкции товарища Сталина тоже принимаем в них негласное участие. Эти англосаксы такие смешные – верят, что все продается и покупается; но торгуют при этом исключительно друг другом. Англичане пытаются продать американцев, а те в свою очередь торгуют английскими интересами. Ничего интересного в этом нет, потому что ни те, ни другие просто не имеют того, что интересовало бы товарища Путина.

– Зато это есть у нас, товарищи, – сказал Сталин, – но об этом мы поговорим чуть позже. А теперь давайте коснемся экономики, ибо без нее у нас не может быть ни военных побед над врагами мировой социалистической системы, ни счастливой и достойной жизни для всех трудящихся нашей необъятной страны. Товарищ Косыгин, ваше слово.

– В настоящий момент, – сказал Косыгин, – мы уже получили под свой контроль почти весь европейский промышленный потенциал, и с учетом отсутствия разрушений в нашей соб-

ственной экономике контролируем чуть более половины мирового промышленного производства. А это, товарищи, много, очень много. Кроме того, в течение зимы тысяча девятьсот сорок первого – сорок второго годов начнут действовать промышленные предприятия, оборудование для которых было закуплено в Российской Федерации за золото. Это означает дополнительный прирост промышленного производства, в том числе и в тех областях, которые ранее в СССР полностью отсутствовали.

– Очень хорошо, товарищ Косыгин, – кивнул вождь, – а теперь скажите – с вашей точки зрения, мы должны продолжать такие закупки промышленного оборудования? Или, с учетом контроля над промышленным потенциалом Европы, мы можем свернуть эту программу?

– Товарищ Сталин, – подумав, ответил Косыгин, – с моей точки зрения, конечно, было бы лучше продолжать такие закупки, как и программу по обучению наших специалистов. Но если этому есть какие-нибудь идеологические препятствия, то мы, конечно, постараемся обойтись без помощи товарищей из будущего.

– Нет, товарищ Косыгин, – сказал Верховный, – никакой идеологии в этом нет, только голый расчет. Товарищи из будущего принимают в оплату только золото, а золотой запас Страны Советов не бесконечен. Разумеется, особым командам, выдвинувшимся в Европу вместе с передовыми отрядами наших войск, удалось захватить значительную часть золотого запаса Третьего Рейха, в который входило и золото покоренных им стран. Но большую часть своих ценностей нацистам удалось укрыть в хранилищах швейцарских банков. Там же хранится и выморочное золото богатейших еврейских семейств Германии, Голландии, Бельгии и Франции – тех, кого нацисты уже успели уничтожить. Поэтому, Вячеслав, готовь для швейцарцев ноту, в которой мы требуем от них по праву победителя Германии выдачи нам этих денег и доступа наших людей к банковским хранилищам и приходно-расходным книгам для контроля. Включи туда пункт, что в случае отказа швейцарское правительство будет признано пособником и союзником германского нацизма, желающим его возрождения. Со всеми вытекающими, как говорится, последствиями. Еще следует добавить в этот ультиматум пункт о выдаче всех укрывающихся на территории Швейцарии немецких граждан. Короче, я хочу получить абсолютно легальный и законный повод спустить на эту Швейцарию всех собак. Стране Советов нужно как можно больше золота, и она его непременно получит.

– Хорошо, товарищ Сталин, будет сделано, – кивнул Молотов.

– А ваша задача, Борис Михайлович, – Сталин повернулся к Шапошникову, – сделать так, чтобы к моменту, когда истечет срок действия этого ультиматума, у границ Швейцарии уже находилось достаточное количество горнострелковых и горнокавалерийских частей, готовых войти на территорию альпийской республики и установить там революционный порядок. Сроки операции согласуете с Вячеславом. Как только у вас все будет готово, он предъявит ноту швейцарцам. Мне бы не хотелось, чтобы напуганные швейцарцы начали топить золото в своих горных озерах.

– Будет исполнено, товарищ Сталин, – ответил Шапошников, – в настоящий момент почти все участвовавшие в этой войне горные части сосредоточены как раз в непосредственной близости к Швейцарии – в бывшей Австрии, в районе города Линц и к западу от Вены, а также в Альпах на юге Баварии. Потребуется всего несколько дней, чтобы перегруппировать их для выполнения новой задачи.

– Очень хорошо, – сказал Верховный, – теперь ответь мне, Лаврентий – что у нас с подготовкой трибунала, который будет судить нацистских преступников и поджигателей войны? Есть мнение, что местом, где будет работать этот трибунал, должен стать Мюнхен, в котором Европа предала сама себя Гитлеру. Какие у вас с товарищами из будущего есть соображения по составу обвиняемых?

– Товарищи из будущего, – Берия поправил пенсне, – настаивают на том, чтобы привлечь к ответственности всех, кто привел нацистский режим к власти, тех, кто вкладывал миллионы

долларов, фунтов, франков и марок в немецкую военную промышленность, и тех, кто поощрял людоедские выступления бесноватого фюрера.

– Очень правильный и взвешенный подход, Лаврентий, – кивнул Сталин, – у меня для тебя будет еще одна задача. Из тех двух с лишним миллионов немецких пленных, которые сейчас находятся в наших лагерях, нужно для начала отобрать тысяч десять солдат и офицеров, лучше всего раненых. Это должны быть люди, которые ни в коем случае не примут советскую власть. Никаких военных преступников – ни у нас, ни на западе. В этом смысле эти немецкие солдаты должны быть чисты как слеза младенца. Думаю, что они согласятся обменять десять лет в наших сибирских лагерях на поездку с билетом в один конец к своим родственникам в будущее. С нашей стороны гарантируется их доставка, теплая одежда и сухой паек на три дня. Для буржуев из XXI века мы объясним, что передаем этих людей из соображений гуманности, чтобы передовая европейская медицина поставила их на ноги.

Берия с интересом посмотрел на Верховного, блеснув стеклами своего пенсне в ожидании дальнейших разъяснений. Впрочем, остальные участники этого совещания были удивлены ничуть не меньше.

– Дело в том, – пояснил Сталин, – что товарищ Путин хочет подложить своим европейским партнерам, с которыми он ведет так называемую «холодную войну», симпатичную розовую свинку. По его плану, это не должны быть нацистские преступники и садисты, а просто люди, воевавшие за Германию, вне зависимости от того, кто был в тот момент во главе ее. Пусть эти люди посмотрят на то, что сотворили с их страной оккупировавшие ее американские империалисты, и скажут свое веское слово. И вообще, есть предложение сделать эту операцию составной частью плана «Весна», общие контуры которого мы обсуждали с тобой два дня назад. Итак, товарищи, цели определены, задачи поставлены – за работу.

* * *

15 августа 1941 года. Полдень. Париж, Авеню дю Клонель Боннэ, дом 11-бис Квартира Дмитрия Мережковского и Зинаиды Гиппиус

Раннее августовское утро в жизни Мережковского и Гиппиус началось кошмаром и закончилось истерикой. В Париж сразу с нескольких направлений ворвались неисчислимые танковые орды красных. Огромные машины с торчащими из башен длинными и толстыми пушками непрерывным потоком растеклись по парижским улицам. Некоторые из них останавливались на стоянку в самом городе, другие двигались дальше, но все они были усыпаны букетами цветов, которые радостные парижане совали танкистам в руки, клали на броню или просто бросали под гусеницы. Парижские улицы заполнили толпы празднично одетого народа, который с восторгом встречал своих освободителей и кричал: «Вива Руссия! Вива Советико! Вива ле Роте Армее! Вива Сталин!»

Эти несчастные, ничего не понимающие люди, радующиеся приходу Красной Армии, никак не могли понять, что никакое это не освобождение, а просто новая оккупация, сменившая немецкую. Эти танки означали власть хамов и быдла, грязи, вылезшей в князи, прорвавшихся к образованию кухаркиных и крестьянских детей, которых Мережковский и Гиппиус ненавидели до желудочных коликов. По их просвещенному мнению, народ должен был покорно принимать все, что ниспосллют ему судьба и барин, благодарить барина за доброту и в экстазе целовать руки высшим существам, в роли которых Мережковский и Гиппиус видели только себя, любимых, и таких же, как они, «интеллигентов», не способных и гвоздя забить в стену, но размышляющих о судьбах Вселенной.

А тут того и гляди тоже появится «Чека», и люди в кожанках будут ходить по улицам, как в Петрограде в приснопамятном восемнадцатом году, арестовывая всех неугодных новой власти. Еще вчера в городе была немецкая власть, но рано утром к немецкой комендатуре подъе-

хало несколько быстроходных броневи́ков на больших, в рост человека, колесах, и комендант Парижа капитулировал перед простым большевистским лейтенантом, после чего красный флаг со свастикой над комендатурой сменился красным, с серпом и молотом. Вместе с комендантом сложили оружие двенадцать тысяч немецких солдат гарнизона и несколько тысяч полицейских-коллаборационистов.

Знакомые говорили, что уже видели на улицах вооруженных немецкими винтовками и одетых в рабочие спецовки и черные береты людей, на рукавах которых были красные повязки с надписью «народная гвардия». Эти «народные гвардейцы», среди которых оказалось много совсем еще юных девушек, задорно отдавали честь красным командирам и следили за порядком. Они вытаскивали из толпы девушек и женщин, которые подозревались в связях с немецкими солдатами и офицерами, сажали их в большой грузовик и увозили в неизвестном направлении.

Слухи по этому поводу ходили самые разные. Одни знакомые Мережковского и Гиппиус, в основном русские эмигранты, говорили, что этих женщин теперь расстреляют без суда и следствия где-нибудь за городом, как это в России делали большевики в восемнадцатом году. Другие возражали первым, заявляя, что, поскольку времена изменились и Франция с Германией стали частями единой советской республики, то их немецких кавалеров просто заставят жениться на своих французских подружках и забрать их с собой в Германию. Третьи, соглашаясь со вторыми и немного с первыми, сообщали, что, может, этих француженок и выдадут замуж за немцев, с которыми они гуляли, но повезут их не в Германию, а в ужасную Сибирь, в которую Сталин теперь поголовно загонит всех проклятых бошей.

И вообще, многие и многие из знакомых Мережковского и Гиппиус вышли на улицы, чтобы, если не поприветствовать «советских», то хотя бы посмотреть на них одним глазком. Увиденное кого-то воодушевило, кого-то напугало, но никого не оставило равнодушным. Сытые, в хорошей форме, прекрасно оснащенные и поголовно вооруженные автоматическим оружием красноармейцы и командиры ничуть не походили ни на своих предшественников времен Гражданской войны, ни на солдат и офицеров старой царской армии. Это были победители, сокрушившие в сражениях сильнейшую военную машину Европы, и на броне танков принесшие сюда, в Париж, власть своего большевистского диктатора.

Кто же знал, что все так обернется. В начале войны с большевистской Россией приятель и сожитель Мережковского и Гиппиус Владимир Злобин и одна его немецкая знакомая, якобы для того, чтобы поправить их бедственное материальное положение, втайне от Гиппиус отвели Мережковского на немецкое радио, где Мережковский произнес речь «Большевизм и человечество»,¹ в которой прославлял Гитлера, называл его защитником Европы от большевизма и сравнивал с новой Жанной д'Арк. А ведь в этот момент Берлин уже лежал в развалинах после первого советского авиааналета, а сотни тысяч немецких солдат и офицеров, пытаясь выполнить невыполнимые приказы, сгорали в огне приграничных сражений.

Узнав об этой речи, Гиппиус была не только возмущена обманом, но и изрядно напугана. Первой ее реакцией на известие об этой речи стали пророческие слова: «Это конец». И в самом деле, их семейство за сотрудничество с Гитлером, заключавшееся лишь в одной этой речи, тут же подверглось всеобщему остракизму – как со стороны французских знакомых, так и со стороны большей части белой эмиграции. Русские люди, пусть даже вынужденно покинувшие

¹ «Он ощущал себя предтечей грядущего Царства Духа и его главным идеологом... Диктаторы, как Жанна д'Арк, должны были исполнять свою миссию, а Мережковский – давать директивы. Наивно? Конечно, наивно, но в метафизическом плане, где пребывал Мережковский, 'наивное' становится мудрым, а 'абсурдное' – самым главным и важным; так верил Мережковский», – вспоминал Ю. Терапиано. В этой радиоречи Мережковский фактически повторил то, что писал с 1920 года:– Большевизм никогда не изменит своей природы, как многоугольник никогда не станет кругом, хотя можно увеличить до бесконечности число его сторон... Основная причина этой неизменности большевизма заключается в том, что он никогда не был национальным, это всегда было интернациональное явление; с первого дня его возникновения Россия, подобно любой стране, была и остается для большевизма средством для достижения конечной цели – захвата мирового владычества.

Россию, отнюдь не разделяли людоедских идей Мережковского о том, что в России «настало царство Антихриста», и что он «предпочел бы, чтобы Россия не существовала вовсе», если бы знал, что «Россия и свобода – несовместимы».

Узнав о полном разгроме Третьего Рейха, о Красной Армии, движущейся через просторы Европы подобно степному пожару, Мережковский и Гиппиус хотели было уехать из Парижа. Но они не знали, куда и на какие деньги, потому что с сорокового года семейство окончательно издержалось. Не помог даже гонорар за то роковое выступление с прославлением Гитлера. Кроме того, была надежда на то, что Европу, или хотя бы ее часть, прикроет собой Англия и лично Черчилль, выпятивший вперед свое необъятное брюхо. Была надежда, что вмешается Америка, что большевиков остановят хотя бы на Рейне и не пропустят в Париж, в котором обитают такие ценные для западной цивилизации люди, как Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус. Но все эти надежды не оправдались, и девятый вал большевистского нашествия докатился и до тихой улицы в парижском буржуазном предместье Пасси, на которой и располагалась парижская квартира Мережковского и Гиппиус.

И вот теперь, когда большевики вошли в Париж, а Франция вместе со всей Европой, обессиленная, распростершись навзничь, лежит перед ними, раскинув руки и ноги, для Мережковского и Гиппиус должен был наступить конец. Ведь, по свидетельству своих знакомых, бежавших из советской России в тридцатые годы, следом за танками и броневиками с пехотой неотвратимо следуют неприметные черные машины, битком набитые людьми в фуражках с малиновым околышем и синим верхом, которые тут же примутся арестовывать всех неблагонадежных. А уж Гиппиус с Мережковским обязательно окажутся в числе первых в списке идейных и непримиримых врагов большевизма.

Но надежды их были тщетны – на самом деле никто арестовывать Мережковского и Гиппиус не собирался, о них было велено просто забыть, и лишь следить за тем, чтобы ни он, ни она не могли зарабатывать на литературном поприще. Мелкие самодовольные людишки, которых любой психиатр сразу же, с первого взгляда, признает оторвавшимися от реальности душевнобольными. И за это их сажать в тюрьму, и тем паче расстреливать? Да ни в жизнь! Пусть живут и служат живым примером того, во что может превратиться оторвавшийся от своих народных корней интеллигент-манкурт, забывший о том, что Дух не существует отдельно от материального мира, а находится с ним в нерасторжимом диалектическом единстве.

* * *

7 марта 2018 года (17 августа 1941 года) Федеративная Республика Германия, федеральная земля Бранденбург, город Фюрстенвальде, железнодорожный вокзал

Рано утром, примерно в четыре часа, когда даже самые полоумные вороны не начали еще орать, в помещение дежурного по станции зашли три весьма колоритные личности, от вида которых у пожилого дежурного, помнившего еще темные времена Хоннекера, глаза полезли на лоб. И было от чего. Центральной фигурой в этой троице был здоровенный, слегка небритый «стопроцентный ариец» в поношенной полевой форме вермахта, помятой шинели, сапогах с короткими голенищами на широко расставленных ногах, и с погонами оберартца (обер-лейтенанта медицинской службы). Единственной деталью, выбивавшейся из образа, был нашитый над правым карманом орел, у которого был отрезан круг со свастикой.

Те двое, что стояли сбоку от военного врача вермахта, были ничуть не менее колоритны, чем оберартц – они были обряжены в форму сотрудников НКВД: синие бриджи, начищенные хромовые сапоги, фуражки с красной звездочкой, с малиновым околышем и синим верхом; а также кожаные куртки, из-под воротников которых торчали малиновые петлицы – у одного с капитанской шпалой, а у другого – с тремя сержантскими треугольниками. Единственное, что у энкавэдэшников выбивалось из стиля, это переброшенные через плечо «калашниковы» вместо

аутентичных ППШ или ППД. Впрочем, за ряженных шутников принять их тоже было нельзя. Уж слишком серьезные и жесткие лица были у всех троих, особенно у оберартца. Дежурному на мгновение показалось, что этот человек побывал недавно в аду и вернулся обратно.

Мазнув взглядом по табличке с именем и фамилией, стоявшей на рабочем столе дежурного, оберартц коротко рыкнул:

– Герр Краузе, немедленно освободите первый путь. Сейчас на него прибудет особый санитарный поезд.

– Какой такой поезд? – тонким дребезжащим голоском переспросил дежурный, попеременно косясь то на сопровождавших оберартца энкавэдэшников, то на стоящий на столе телефон внутренней связи, одновременно нащупывая в кармане мобильник и лихорадочно решая, вызвать полицию или обождать.

Пока он колебался, неожиданно заговорил капитан НКВД.

– Герр Краузе, – вкрадчиво сказал он, нагнувшись к самому уху дежурного, – я не советую вам торопиться с принятием решения. Лучше выгляните в окно...

Дежурный по станции встал со стула и на дрожащих ногах подошел к оконному проему. Отдернув штору, он увидел, что на перроне, залитом ядовитым мертвенным светом светодиодных светильников, под мелким и противным дождем в цепь выстроились вооруженные люди в смутно знакомой по историческим фильмам форме бойцов НКВД образца 1937 года.²

– Только не пугайтесь, – участливо произнес капитан госбезопасности. – Сразу хочу вас предупредить, что мы не ряженные шутники и не террористы. Дело в том, что правительство СССР в 1941 году, исходя из принципов гуманности, решило направить в Германию 2018 года для лечения и реабилитации несколько тысяч тяжелораненых германских военнопленных. Мы не дали умереть этим немецким солдатам и офицерам, а остальное должно стать делом ваших врачей. Наши собственные раненые на тех же самых условиях проходят сейчас лечение на территории нынешней России. Впрочем, если вы откажетесь, мы справимся и без вашей помощи, поскольку имеем полное представление о том, что для этого необходимо сделать...

– Нет-нет... – пробормотал дежурный, возвращаясь на свое место, – просто нам говорили, что вся эта история с сорок первым годом – грандиозная мистификация господина Путина, а все якобы репортажи с поля боя русские снимали у себя на Мосфильме... Впрочем, я ничего не утверждаю, и считаю, что телевидение и газеты ежедневно нам врут, и мы уже не знаем, что и думать.

– Вот видите, Карл, – сказал капитан НКВД, – во что превратились немцы в XXI веке. Вы для них теперь просто миф, сцена, снятая для кино. И хоть в той войне с вашей стороны гордиться, честно говоря, нечем (в обоих ее вариантах), но хоть какие-то родственные чувства у нынешних немцев к вам должны быть.

– Вы были совершенно правы, Вольдемар, а я вам не верил, – вздохнул оберартц, – измельчали потомки нибелунгов и запаршивели. Там, где мы выдержали под вашим огнем целых восемь суток, они, наверное, начали бы разбегаться через пару часов.

– Нет-нет, – снова испугался дежурный, – я ничего такого не говорил... Просто я не понимаю, как это может быть – ведь та война была очень давно, и именно на ней погибли оба моих деда – один под Сталинградом, другой уже в самом ее конце, когда русские штурмовали Берлин.

– Краузе, – рявкнул оберартц, – у русских есть прибор, который делает дыры во времени – от вас к нам. Через эти дыры они нагнали своим предкам столько оружия, что его хватило на вооружение нескольких армий. Они и сами встали рядом с ними с этим оружием в руках, как это и должны делать истинные арийцы. Это была бойня, Краузе – ты понимаешь? Нас уничто-

² Чтобы не вызывать у немцев XXI века ассоциации с военнослужащими РФ, конвойную роту НКВД специально для этой операции одели в форму старого образца.

жали всеми способами, какие только придумал за последние годы изощренный человеческий ум, а мы, повинувшись приказам безумного ефрейтора, рвались вперед, поливая своей кровью каждый клочок русской земли. А что я вижу здесь, Краузе? Вы даже не хотите принять своих раненых предков на лечение...

– Никак нет, господин оберартц, – тихо сказал дежурный по станции, – первый путь семафором я уже перекрыл, так что русские могут включать ту самую штуку, которая у них делает дыру во времени...

– Хорошо, герр Краузе, – устало произнес оберартц, – извините меня за то, что я на вас накричал. Нервы, знаете ли.

– Ничего страшного, господин оберартц, – кивнул дежурный, – я вас понимаю. Это все русские, да?

Оберартц только пожал плечами, показывая, что на idiotские вопросы не отвечает.

– Пойдем, Вальдемар, встретим наших героев, – военный врач повернулся к капитану НКВД.

– Пойдем, Карл, – ответил тот, делая знак напарнику, – действительно пора.

Они вышли, а дежурный по станции подошел к окну и, раздернув штору, стал в щелочку наблюдать за происходящим. А там, на перроне, творилось нечто удивительное. Со стороны входной стрелки, где-то за краем платформы, вдруг вспыхнуло зеленоватое, размытое дождем свечение, и из него на первый путь въехал пышущий дымом и паром допотопный паровоз, тянувший за собой темно-зеленые пассажирские вагоны с красными крестами санитарного поезда. Выпустив клубы пара и лязгнув сцепками, паровоз остановился, открылась дверь первого вагона и на перрон спустился человек в офицерской форме вермахта со знаками различия оберстарта, то есть полковника медицинской службы. Судя по всему, это была важная птица. Вслед за ним из вагонных дверей, выглянули еще несколько человек, правда, так и не решившихся спуститься на перрон.

Те трое, что заходили к дежурному по станции, подошли к оберстарта, чтобы передать ему ключи от оружейной комнаты, в которой до момента пересечения межвременной границы хранилось личное оружие медперсонала. Процесс переброски раненых на немецкую территорию подходил к концу. Откозыряв немецким военным медикам, энкавэдэшники собрали своих людей и через минуту скрылись в межвременном проеме. Зеленоватое сияние погасло, и только санитарный поезд вермахта из сорок первого года напоминал, что случившееся не было ужасным наваждением. Вытащив из кармана сотовый телефон, дежурный по станции лихорадочно набрал номер «112» и срывающимся голосом произнес:

– Алло, алло, это говорит Вернер Краузе, дежурный по станции Банхоф-Фюрстенвальде. У меня тут санитарный эшелон с ранеными немецкими солдатами из сорок первого года. Не отключайтесь, пожалуйста, я не шучу. Люди нуждаются в срочной помощи.

Чуть поодаль, невидимые для дежурного, за происходящими на станции событиями наблюдали съемочные группы российского канала РТ, а также немецких ZDF и RheinMainTV, и поджидали депутаты Бундестага от двух одинаково антисистемных партий – «Альтернатива для Германии» и «Новые левые», внезапно заинтересовавшиеся судьбой своих предков. Операция «Еж в штанах» вступала в решающую фазу. Германия еще спала. Спала фрау Меркель, спали ее однопартийцы и союзники по альянсу; но то, что произошло этой ночью, гарантировало им весьма неприятное пробуждение.

* * *

7 марта 2018 года, политический обзор Западной Европы, стран ЕС и НАТО

Утро 7 марта 2018 года в полной мере подтвердило народную мудрость о том, что утро добрым не бывает. Санитарный поезд, прибывший на вокзал в Фюрстенвальде, был отнюдь не

единственной инвазией немцев из сорок первого года. Была еще сопровождаемая фельдшармами санитарная автоколонна, состоящая из более сотни грузовиков и автобусов, появившаяся неподалеку от Дрездена; а также несколько небольших санитарных колонн из двух-трех машин, в которых находились гражданские лица, пострадавшие во время бомбовых ударов по Берлину в самом начале войны.

Пробуждение фрау Меркель в этот предпраздничный день было кошмарным. После недавних политических телодвижений России, официально объявившей о своем союзе с диктатором Сталиным, она подсознательно ждала того момента, когда начнется катастрофа. После последних пресс-конференций в Москве – сначала в Министерстве обороны, а потом и в МИДе, стало ясно, что где-то там, в другой реальности идет сорок первый год и советские танки неудержимо катятся по Германии, а разгромленный вермахт уже не в силах их остановить. Это значит, что в любой момент могут разверзнуться врата сталинского ада и разгоряченные победители ворвутся в ее тихую и уютную Германию. С этой мыслью она ложилась спать и с ней же просыпалась. Но пока ничего ужасного не происходило. А потом... потом случилось такое, о чем подумать было страшно. Вместо того чтобы напасть, Сталин прислал в Германию на лечение раненых солдат вермахта.

Фройляйн Каснер, а потом фрау Меркель, дурой отнюдь не являлась. Страшненькой дурнушкой, от которой шарахались приличные парни – да, была. Членом Союза свободной немецкой молодежи (аналог нашего комсомола в ГДР) – была, как, по слухам, и внештатным осведомителем Штази. Но, как мы уже говорили, дурой она не была никогда. Сменив в девяностом году флаг, политические воззрения и страну, фрау Меркель считала, что сделала удачный выбор – ведь те, кого она предала, проиграли свою войну; и их руководство направо и налево принялось распродавать своих бывших союзников, а потом и собственную страну. И вот, двадцать восемь лет спустя, прошлое вернулось и постучало в ее дверь.

Представляете – к вам в гости приезжает ваш дедушка и видит, как вы, прошу прощения, испражняетесь в гостиной прямо на роскошный дубовый паркет только потому, что этого хочет прописавшийся в вашей квартире совершенно чужой человек – извращенец, захватчик и оккупант. Стыд невероятный! И не принять этих раненых нельзя, ибо пресса – в первую очередь RT, Sputnik – а также крайне левые и крайне правые, уже подняли вой, который так просто не заткнуть. Кроме того, если Сталин послал сюда раненых военнопленных, то он сможет послать и здоровых солдат вермахта, вооруженных и злых.

В любом случае ей, Меркель – конец, потому что если она продолжит предыдущую политику, разъяренные от разгрома русскими и ее нынешней политики «предки» пойдут толпами, как арабские беженцы, а если не продолжит, то тогда CNN, «Вашингтон Пост», «Гардиан» и прочие рупоры англосаксонской пропаганды тут же вытряхнут перед публикой ее грязное белье. Приняв решение, фрау Меркель дрожащими руками распотрошила упаковку снотворного, отсчитала двадцать таблеток, взяла в баре бутылку русской водки, набулькала полстакана и, разом проглотив таблетки, запила их водкой. Вот так и закончилась «эпоха Меркель».

Но там, в 1941 году, об этом еще не знали. Поэтому в будущее также отправились несколько групп людей в штатском, старавшихся не афишировать свое присутствие в чужом времени. Надо сказать, что адмирал Канарис, извлеченный из одиночной камеры тюрьмы Моабит, быстро понял, что просто жить (и жить хорошо) он сможет только в том случае, если будет делать все, что ему прикажут русско-советские кураторы. Этот человек был весьма понятливым господином, а потому интеллектуальный потенциал германской разведки, не успевший сгореть в огне войны по причине скоротечности конфликта, сейчас находился целиком в распоряжении союзников по второй антигитлеровской коалиции. Эта коалиция между СССР-1941и РФ-2018 прямо на глазах превращалась в антиамериканскую, или, точнее, антинатовскую. Это произошло ввиду отсутствия на политическом поле Гитлера, который, находясь в Бергхофе, и узнав о полной оккупации Германии советскими войсками, принял яд и

бросился вниз головой со скалы. Эта угроза была нейтрализована, и теперь союз должен был распаться, как распалась первая антигитлеровская коалиция. Или переключиться на парирование следующей опасности.

При этом товарищ Сталин хорошо понимал, что если РФ-2018 не устоит под давлением со стороны мирового империализма в самом худшем его выражении, то плохо будет всем. СССР-1941 в первую очередь подвергнется угрозе, так как если ЦРУ, Пентагон, АНБ, получив доступ к аппаратуре межвременного перемещения, они смогут развернуть войну на уничтожение первого в истории государства рабочих и крестьян. А следовательно, надо бить первыми – бить так сильно, чтобы отбить у противника всякую охоту к дальнейшей схватке. Тактическая задача в 2018 году стояла такая же, как и в 1941-м – сделать все, чтобы с территории Европы для России больше никогда не исходила военная угроза. А посему – на войне как на войне; вот и ушли на задание бойцы невидимого фронта, сменившие флаг и начавшие работать на другого Хозяина.

Поскольку ФРГ-2018 продолжала оставаться ключевым союзником-сателлитом США в Европе, то, следовательно, ее и выбрали главным объектом для «перевоспитания». Тем более что архаичных немцев сорок первого года просто тошнило от брылястой морды фрау рейхсканцелерин. А когда они узнали о легализации в ФРГ-2018 однополых браков, то их возмущение перешло в ярость – настоящую тевтонскую ярость.

В первую очередь эмиссары Канариса и стоящего за ним Берии должны были установить контакты со своими единомышленниками в будущем и определить план совместных действий, чтобы вернуть развитие Германии в нормальное для нее русло: «кайзер, криг, каноне» – для мужчин, и «киндер, кирхен, кухен» – для женщин. Их идеал – классическая Германия конца XIX и начала XX века, фабрика мира и апологет безудержного милитаризма. Их политические единомышленники – «Альтернатива для Германии». Их враг – местные либералы всех мастей и англосаксонские плутократы и восточные лимитрофы, унизившие и обкорнавшие Германию будущего, поскольку в их реальности границы Германии после разгрома, за исключением Восточной Пруссии, остались неизменными, и даже обсуждение выхода Австрии из состава единого государства было вынесено на еще один плебисцит.

Да и из Восточной Пруссии, ставшей эксклавом РФ, никто отнюдь не изгонял немецкое население, как это случилось в нашем прошлом. А зачем? Более законопослушного, трудолюбивого и легко интегрируемого населения как немцы, ни в том, ни в этом времени найти было трудно. ФСБ охотилась только за руководящими функционерами и членами нацистской партии, СС и СА. И репрессиям подвергались не все из них, а только те, кто был замешан в преступлениях гитлеровского режима.

Правда, одновременно несколько групп таких же невидимок пошли совсем по другой линии и на другой политический фланг. Ситуативные союзники правых в ситуации, когда Европа вообще, и Германия в частности, задыхаются в гнилостных эманациях либерализма, они должны были добиваться возвращения Германии на социалистический путь развития. Их политические единомышленники – это «Новые Левые», их враг – опять же либералы всех мастей и мировой империализм.

Ушли на ту сторону и просто люди, не имевшие никаких особых политических убеждений, перед которыми стояла задача проработать планы физической ликвидации некоторых наиболее одиозных политических деятелей. Когда на кону стоит судьба двух миров, то тут, товарищи-геноссе, не до сантиментов. Но это путь не основной, ибо индивидуальный террор против представителей власти сам по себе никогда и никого не приводил к победе. Тем более что большая часть европейских политиков в 2018 году – это марионетки. Если враг сам прибегнет к этим методам, надо иметь возможность ответить максимально быстро и максимально жестко.

Именно поэтому, раз уж французы предпочли выбрать себе в президенты явную марионетку, месье Макрона, Пятой Республике не уделили особого внимания. Работать с людьми, делающими такой выбор – это все равно что дрессировать свиней. Не Петена же к ним забрасывать, и не адмирала Дарлана, тем более что де Голль застрял в Британии и, кажется, даже был взят там под стражу. В Италии должны были поработать соратники Муссолини, с которым специально назначенные люди уже провели воспитательные беседы. А остальные страны Западной Европы были просто статистами и их политика была не самостоятельной. Игра только начиналась и все было еще впереди.

* * *

19 августа 1941 года. 12:00. Вашингтон, Белый дом, Овальная комната.

Присутствуют:

Президент Соединенных Штатов Америки – Франклин Делано Рузвельт;

Специальный помощник президента Рузвельта – Гарри Гопкинс.

Специальный помощник Рузвельта и его друг выглядел так, что краше в гроб кладут. Информация, которую он привез из Кенигсберга, была настолько конфиденциальной, что ни одного слова не было передано по открытым каналам. Все, что узнал и о чем сумел договориться Гопкинс, Рузвельту предстояло узнать здесь и сейчас.

– Как дела, Гарри? – с замиранием сердца спросил американский президент. – Тебе удалось о чем-нибудь договориться с этими русскими из будущего?

– Дела скверные, Фрэнки, – ответил Гопкинс, нервно потирая лоб, – и дело тут даже не в русских. Они-то как раз вели себя со мной достаточно любезно. Все дело в той выгребной яме, в которую там превратилась наша Америка. Впрочем, какая она теперь к чертям наша... От твоего «Нового курса», Фрэнки, не осталось и следа; и если нас с тобой хоть где-то помнят, так это, пожалуй, только в России. Я даже удивился, когда меня встретили так, словно я не полуофициальное лицо без какого-либо официального статуса, а ни больше ни меньше полномочный посол.

– Гарри, – Рузвельт нетерпеливо махнул рукой, – ты уже мне об этом говорил. Лучше расскажи, что такое случилось с нашей Америкой, почему ты назвал ее полным дерьмом?

– Фрэнки, – ответил Гопкинс, – давай сначала я по порядку расскажу тебе о русских. А уже потом перейду к Америке, потому что без одного тебе не понять другого. Дело в том, что тамошние русские значительно больше похожи на нас с тобой и современных нам американцев, чем наши собственные потомки. И при этом они остаются русскими, хотя среди них очень сильны красные настроения.

Рузвельт со вздохом развел руки в стороны и сказал:

– Ты меня совсем запутал, Гарри... Но давай, рассказывай все, что ты сумел узнать, без утайки и по порядку. Во-первых, как русские будущего могут быть похожи на нас, если среди них, как ты говоришь, сильны красные настроения?

– Все очень просто, Фрэнки, – вздохнул Гопкинс, – несмотря на всю свою «красноту», тамошние русские похожи на нас тем, что они знают, что каждый кусок хлеба с копченой грудинкой и каждый бокал виски надо зарабатывать тяжелым трудом. Неважно где – в поле, в шахте, на заводе или в конторе. При этом должен тебе сказать, что так называемый социалистический строй пал там четверть века назад и, как это бывает в таких случаях, вместе с ним отошло в прошлое былое имперское величие, а также некоторые окраинные территории, что фактически вогнало страну в границы шестнадцатого века. Одновременно при падении коммунизма бедные стали просто нищими, а из узкого круга пронырливых людей, умеющих делать деньги из воздуха, образовался класс новых собственников-олигархов, разделивших между собой так называемое общенародное достояние. При этом, закрепляя несправедливость, пыш-

ным цветом расцвела продажность должностных лиц, включая полицейских и судей. Отсюда и красные настроения, как ностальгия по тем временам, когда, по мнению рядового русского, все было правильно, а Россией управлял самый сильный, умный и справедливый вождь. Если ты, Фрэнки, не понял, о ком идет речь, то я скажу – речь о дядюшке Джо.

Что касается их нынешнего вождя, то мистер Путин очень умный человек, ловкий политик, и до его вмешательства в войну с Гитлером пользовался безусловной поддержкой восьмидесяти процентов населения России. Теперь, после того как случилось то, что случилось, его поддержка выросла еще больше. Наверное, это процентов девяносто пять рейтинга, не меньше, потому что в любом обществе есть пять процентов полных идиотов, которым не угодишь, что бы ты ни сделал, и которые собственное неумение и лень будут списывать на зловерные действия правительства.

– Хорошо, Гарри, – кивнул Рузвельт, – но ты так и не сказал самого главного – можно ли верить тому, что говорит этот мистер Путин, и можно ли с ним подписывать какие-либо соглашения?

– Верить, Фрэнки, мистери Путину можно, и соглашения подписывать – тоже, – не задумываясь, ответил Гопкинс, – он щепетилен и честен по природе, и тщательно блюдет репутацию надежного партнера. Все, что он подпишет – безусловно, будет исполнено, и в то же время никакая сила на свете не заставит его подписать невыгодное или неравноправное соглашение. Уж если он сумел договориться с таким тяжелым партнером, как дядя Джо, то нам с ним договориться сам Бог велел.

– Это, конечно, прекрасно, Гарри, – согласился Рузвельт, – но о чем мы сможем договариваться с мистером Путиным? Ведь у нас с ним нет точек пересечения – ни в его времени, ни в нашем. Мы, согласно доктрине Монро, находимся в другом полушарии. Разве только если мы выдвинем требование, чтобы нам обеспечили контакт с нашими родственниками из будущего... Но я не вижу, чем мы могли бы его поддержать. Мы даже не можем прекратить торговлю с дядюшкой Джо, потому что мы уже использовали этот козырь, объявив Советам моральное эмбарго из-за их войны с Финляндией. Так это с Советами, а с русскими из будущего, как я полагаю, торговать нам абсолютно нечем.

– Ты все правильно понимаешь, Фрэнки, – кивнул Гопкинс, – как насчет того, что у нас нет силы, необходимой, чтобы подкрепить хоть какие-нибудь наши требования, так и относительно отсутствия потенциала для обоюдной торговли? Товары, которые предлагают русские из будущего, неплохо сделаны, дешевы и продаются только за золото – единственный товар из нашего времени, который эти новые русские импортируют к себе. При этом надо учитывать, что большая часть этих товаров в нашем времени просто не производится, а их номенклатура включает в себя все – от детских игрушек до промышленного оборудования и оружия. Да-да, того самого оружия, с помощью которого за две недели была поставлена на колени сильнейшая армия Европы! Конечно, свои пушки, танки и самолеты мистер Путин продает исключительно Сталину, но надо иметь в виду, что однажды (теоретически) такое оружие может появиться и у нас на заднем дворе, что было бы весьма неприятно. Но это только теоретически, так как мистер Путин тоже настроен на сотрудничество...

– И что же он хочет от нас, Гарри, – с иронией спросил Рузвельт, – в обмен на то, что не устроит нам подобное тому, что он устроил бедняге Адольфу?

– Все просто, Фрэнки, – ответил Гопкинс, передавая президенту толстую папку, – мистер Путин хочет, чтобы мы немного вразумили наших потомков. Да и тебе такие вот «внучки» вряд ли понравятся...

Рузвельт раскрыл папку и принялся внимательно просматривать вложенные в нее бумаги, время от времени возмущенно хмыкая и бормоча под нос соленые морские ругательства. Видимо, он вспомнил свои молодые годы, когда ему довелось поработать помощником морского министра в правительстве Вудро Вильсона.

– Смотри, Фрэнки, – криво усмехнулся Гопкинс, – этот парень – сорок второй президент США. Он устроил сеанс французской любви с практиканткой прямо в этом кабинете, что чуть не закончилось для него импичментом. А вот это сорок третий президент – он путал Австрию с Австралией, хотя, наверное, он делал это специально. Ведь жить легче, когда тебя все считают дурачком. А это – сорок четвертый президент. Посмотри на его фотографию – и ты все поймешь сам. У нас бы такого не взяли даже курьером – разносить почту. А ведь он, между прочим, избирался на два срока, причем от нашей с тобой партии... – Гопкинс поднял голову и внимательно всмотрелся в лицо Рузвельта, который, впрочем, старался ничем не выдавать своих эмоций. – Но главное не в этом, а в том, что эти господа творят с Америкой, в которой не осталось и намека на твой «Новый курс», а также со всем миром, которому из-за их легкомыслия сейчас грозит последняя мировая война или новая Великая Депрессия, по сравнению с которой пережитое нами двенадцать лет назад – лишь забавы бойскаутов. Потому-то мистер Путин и желает, чтобы мы сыграли роль строгих родителей, которые очень недовольны своими непутевыми детишками.

Пролистав папку до конца, президент Рузвельт отодвинул ее в сторону и посмотрел на Гопкинса.

– Приятного, конечно, мало, Гарри... – устало сказал он, – но я думаю, что болезнь наших потомков вполне излечима. Мы поразмыслим, что с этим можно сделать, и обязательно решим эту задачу. Справимся, я думаю... Теперь я хотел бы знать, что мистер Путин может предложить для НАШЕЙ Америки, если мы все же возьмемся за эту работу?

– Для начала, Фрэнки, – Гопкинс заглянул в своей рабочий блокнот, – нам гарантируют сохранение нашей сферы влияния в обеих Америках, согласно доктрины Монро. Мистер Путин и сам не станет нарушать сферы разграничения, и поручится за то, что этого не будет делать дядюшка Джо. Кроме того, мы получим кое-какие технологии невоенного назначения ценой не в один миллиард долларов и торговое соглашение, согласно которому мистер Путин не будет поставлять такие товары, которые Америка сможет производить самостоятельно. Ну и самое главное – через создание совместного коммерческого предприятия мы получим прямой доступ к территории той Америки из будущего, с возможностью делать свой маленький бизнес и обменивать наше золото на тамошние товары по фантастически выгодному курсу.

– Очень хорошо, Гарри, – кивнул президент Рузвельт, – но этого мало. Нам фактически заказывают организовать в той Америке революцию, а в оплату дают какие-то жалкие подачки. Давай-ка сядем и хорошенько подумаем, чего бы такого мы могли запросить, чтобы потом, на переговорах, этого тунца можно было бы безболезненно урезать.

* * *

**23 августа 1941 года. 12:15 мск. Франция, Лазурный берег, Грас, вилла «Жаннет»
Иван Алексеевич Бунин, русский прозаик и публицист**

Основные советские войска, красным потоком с севера на юг растекшиеся по Франции, обошли стороной тихий курортный Лазурный берег, в основном устремившись к испанской границе через Лион, Ним и Перпиньян, где пока и остановились. Как рассказал очевидец, приехавший из маленького городка Рокмора, советские войска несколько суток непрерывным железным потоком шли по ведущему к Ниму шоссе. Тяжелые танки, похожие на обтекаемых стальных черепах в чешуйчатой броне, от веса которых содрогается сама земля, огромные самоходные пушки, стремительные остроносые машины, сверху густо облепленные солдатами; и снова, танки, танки, танки.

Говорят, что вся эта мощь была произведена там, в потусторонней России, и доставлена сюда исключительно для того, чтобы Советский Союз мог разгромить германского оппонента и завоевать половину мира – с тем, чтобы установить на ней свой самый прогрессивный в исто-

рии режим. Не знаю, как кому, но мне такая идея не нравится, хотя знакомые, приехавшие с севера, где советские стоят уже больше двух недель, ни о каких ужасах вроде нашего семнадцатого года не рассказывали. Да, немного арестовывают людей, сотрудничавших во время оккупации с немцами, но, во-первых, никого не расстреливают, а во-вторых, заявляют, что судить их должен сам французский народ. И народ, как ни странно, в это верит, причем не только в рабочих предместьях, но даже в буржуазных кварталах Парижа.

Еще поговаривают о том, что другая крупная механизированная группировка красных сейчас накапливается в районе Байонны. Судя по всему, воспользовавшись моментом, советский вождь Сталин решил переиграть гражданскую войну в Испании и одним ударом покончить с родственным Гитлеру режимом каудильо Франко. При этом итальянский дуче Муссолини отделался легким испугом и даже смог продолжить свою войну с англичанами. Правда, делал это Муссолини теперь исключительно на свой страх и риск, без поддержки германского «старшего брата», хотя кто его знает – отношения между Англией и СССР достаточно напряженные, и в любой момент между ними может разразиться конфликт.

Говорят, что ценой поддержки Италии стала отмена запрета коммунистической партии и обещание провести свободные и демократические выборы под советским контролем. А если выборы окажутся недостаточно свободными и недостаточно демократическими (то есть, если коммунисты их проиграют), то Советский Союз пустит в ход большую армейскую дубину и демократизирует Италию – разумеется, «исключительно в интересах итальянского народа».

А у нас пока все тихо. Ни одного советского танка и ни одного солдата в Грасе так и не появилось. Честное слово, даже обидно. Хотелось бы хоть одним глазком посмотреть на нынешних большевиков и понять, с чем их едят. Да что там Грас или курортная Ницца – даже Тулон, где стоят на приколе остатки французского военного флота, удостоился не более чем одной советской комендантской роты. Командовавший ею капитан популярно на пальцах объяснил командующему остатками французского флота адмиралу де Лаборду и морскому префекту адмиралу Марки то, что маршал Петен добровольно отрекся от власти и коллаборационистское правительство в Виши прекратило свое функционирование. Теперь – ровно до того момента, когда путем всенародного голосования во Франции будет установлена новая Четвертая Республика и избрано ее правительство – службу французские моряки должны нести по уставу, на провокации не поддаваться, пределов базы не покидать, и в политику не вмешиваться. В случае нарушения этих простых правил все возмездие будет осуществляться исключительно с воздуха и исключительно фугасно.

Таким образом, французским адмиралам дали понять, что Советскому Союзу остатки их флота не нужны ни в каком виде, поэтому французские моряки могут не беспокоиться – не топить и не взрывать свои корабли, которые как принадлежали Франции, так и будут ей принадлежать. Конечно же, подразумевалось, что Франция эта будет исключительно советская и исключительно социалистическая. Но для настоящего француза это такие мелочи; тем более что для начала будет установлена так называемая народно-демократическая республика, без колхозов и национализаций промышленности, и только потом она естественным путем перерастет в советскую и социалистическую.

Было дело, читал я программу товарища Мориса Тореза – из чистого любопытства, чтобы узнать, к чему нам готовиться и не стоит ли бежать куда подальше – может быть, на первых порах в Италию, которую пока не трогают, ну а потом и в Америку. Прочел и понял – бежать совершенно не стоит. Ничего ужасного в этой программе не было. Ну кто в здравом уме станет возражать против восьмичасового рабочего дня или против достойной оплаты за тяжелый труд – разве что самые жадные из буржуа. По этой программе даже ваш покорный слуга, получается, настоящий пролетарий, ибо живет не за счет эксплуатации человека человеком, а с интеллектуального продукта, произведенного исключительно с помощью своей головы.

Кстати, советских солдат у нас в округе еще нет, а вот Народная гвардия, выросшая из коммунистического Сопротивления, уже имеется, хоть и в небольшом количестве. Лазурный Берег – это все же не портовый Марсель, и не переполненный фабриками Лион, а тихое курортное место, предназначенное для удовлетворения самых настоятельных жизненных потребностей представителей высших классов и таких вот работников умственного труда вроде вашего покорного слуги.

Сейчас эта Народная гвардия заменяет старую жандармерию, распушенную под предлогом сотрудничества с немцами и участия в их военных злодеяниях. Молодые люди в черных кожаных куртках и черных же беретках, вооруженные немецкими винтовками, патрулируют улицы городов и поселков, проверяют документы на вокзалах, и вообще ведут себя как представители власти. Посетили народные гвардейцы и нашу виллу, переписали всех в ней живущих, спросили, нет ли каких жалоб, и не видели ли мы в окрестностях посторонних людей. А потом вежливо и культурно откланялись.

Одним словом, все точно так же, как было у нас в России в семнадцатом году, только без присущего нашей бедной России кондового хамства. Все делается очень вежливо и с улыбками, поскольку и молодежь, составляющая большую часть этой Народной Гвардии, и командующие ими коммунистические функционеры постарше не видят в каждом встречном хорошо одетом господине или даме врага народа и буржуа с того самого революционного плаката. А все потому, что большинство народных гвардейцев, сменившись с дежурства, снимают с себя эти черные тужурки и береты и облачаются в такие же костюмы или, в случае девушек (которых тоже достаточно в Народной гвардии) – в нарядные платья, становясь неотличимыми от тех же буржуев³.

Во-первых, русский народ к семнадцатому году усилиями властей, сельской и городской буржуазии и того самого образованного класса разночинцев, одобрявшего эти безобразия, был доведен до таких глубин нищеты и отчаяния, что вспышка революции, сжигающей прошлую общественную формацию, выглядела неминуемым и естественным выходом из этого тупика. Для понимания вопроса достаточно знать, что к 1914 году, явившемуся началом всех начал, на селе в Российской империи проживало около восьмидесяти процентов населения. При этом восемьдесят процентов из крестьянских хозяйств не дотягивали до нового урожая, и это не от лени, или, скажем, врожденного пьянства, а из-за того, что за полвека с лишним действия выкупных платежей эти самые платежи вытянули из подавляющей части крестьянства все финансовые ресурсы. Постарались и кулаки-мироеды, которые на самом деле являлись не зажиточными трудящимися крестьянами, а сельскими буржуа, ростовщиками-монополистами, одалживающими своим односельчанам денежные и натуральные средства из расчета в двести-триста процентов годовых.

Сюда стоит добавить и то, что, по данным Военного Ведомства царской России, шестьдесят процентов призывников не умели ни читать, ни писать, в то время как в кайзеровской Германии таких было меньше процента.

Сие значило, что нищета для них становилась хронической, пожизненной и передаваемой по наследству, потому что даже бросив хозяйство и уйдя в город, эти люди могли рассчитывать лишь на тяжелую, неквалифицированную, низкооплачиваемую работу. В это же время российская промышленность задыхалась даже не от отсутствия инженеров и техников, а от недостатка слесарей-токарей – самых ходовых рабочих разрядов, с третьего по пятый.

Во-вторых, во Франции было то же самое, но оно, это «то же самое» из Метрополиии было вынесено в колонии – Сенегал, Индокитай, Гвиану, Марокко и Алжир. Именно там миллионы детей пухли и умирали от голода, в то время как французские буржуа подсчитывали

³ Тут господина Бунина можно было бы поправить по нескольким пунктам.

сверхприбыль, частью которой можно было поделиться и с рабочим классом, чтобы он тоже мог слегка обуржуазиться. }

* * *

**24 августа 1941 года. 13:35. Франция, Лазурный берег, Грас, вилла «Жаннет»
Иван Алексеевич Бунин, русский прозаик и публицист**

Все произошло внезапно. К воротам виллы подъехала легковая машина, за рулем которой сидел юноша, одетый в униформу Народной гвардии – то есть в кожаную куртку и черный берет. Машина посигналила, открылась дверца, и с пассажирского места поднялся и вышел незнакомый Бунину моложавый мужчина, одетый в полувоенную одежду, плотные саржевые брюки, защитного цвета и зеленую рубашку. В одной руке незнакомец держал небольшой кожаный чемоданчик, а в другой переброшенную через локоть легкую куртку того же цвета, что и его брюки. попрощавшись с водителем, прибывший стал терпеливо ждать, когда к нему выйдет кто-нибудь из местных обитателей.

Этот пришелец своим поведением и одеждой не был похож на здешних жителей. Немудрено, что посмотреть на него у окна гостиной собрались почти все обитатели дома. Леонид Зуров, как самый молодой из присутствующих, пошел к воротам выяснить, что это за человек и что ему нужно от обитателей виллы «Жаннет». Несколько минут спустя все выяснилось. Незванным и неожиданным гостем оказался российский (в смысле из забарьерной России) внештатный корреспондент «Литературной газеты» Василий Соломин, получивший от редакции задание взять интервью у великого русского писателя, раз уж в кои веки появилась такая возможность.

Хотя сам Иван Бунин к идее интервью отнесся без особого восторга, но все же желание встретиться с человеком из посткоммунистической России – не военным или политиком, а интеллектуалом, пишущим пусть не романы и повести, а статьи и эссе, а, следовательно, и собратом по перу – взяло в нем верх.

Леониду Зурову была дана команда провести гостя из забарьерной России в гостиную, где на стол уже спешно водружали огромный самовар и расставляли все необходимое для беседы-чаепития. Зайдя в дом, гость вежливо и сердечно поздоровался как с хозяином дома, так и с тремя присутствующими здесь дамами, отпустив хозяйке дома парочку вполне приличных и нетривиальных комплиментов, отчего та даже покраснела от смущения и удовольствия. После этого по приглашению хозяина гость сел за стол, сдвинул в сторону чашку, блюдо и розетку для варенья, и поставил на освободившееся место извлеченный из чемоданчика странный прибор, имевший вид бакелитового плоского ящичка со скругленными торцами.

– Уважаемый Иван Алексеевич, – произнес господин Соломин, открывая крышку своего прибора и обнажая клавиатуру – примерно такую, как у печатной машинки, – вы знаете, я сам несколько ошарашен полученным заданием. Для меня беседа с вами – это примерно то же самое, как если бы вам довелось встретиться с самим Пушкиным, вступив с ним в беседу на злобу дня. Ведь еще два месяца назад никто из нас и не ведал о возможности когда-нибудь встретиться с такими титанами духа, которые редко рождаются на русской земле. Время течет все быстрее и быстрее, и чтобы кристаллизовалась глыба-человечище, его просто уже не остается.

– Я вас прекрасно понимаю, Василий, – улыбнулся Бунин, – для нас все произошедшее после 22 июня тоже стало большой неожиданностью и чудом. И мы тоже никак не подозревали, что сумеем встретиться со своими потомками и узнать о том, как они оценивают нас и наши дела и поступки.

– Вы знаете, Иван Алексеевич, – задумчиво произнес российский журналист, – для нас, жителей России XXI века, 22 июня 1941 года является сакральной датой. В этот день началась

самая страшная война в истории России. В тот день враг напал на наш народ, и то, что мы выстояли – есть самое великое чудо на свете. Да, мы отринули советскую идеологию, марксизм-ленинизм и прочее идеологическое обрамление той эпохи по причине их полной несостоятельности. Но, в любом случае, этот период остается частью нашей истории, а СССР – одной из форм существования Великой России.

– Ну и каша у вас в головах там, в будущем, господин Соломин, – развел руками Бунин, – Впрочем, такой взгляд на жизнь и историю тоже имеет право на существование. Скажите, а как ваш народ – или население-электорат, если у вас там демократия – восприняло саму идею помочь своим потомкам отразить германское вторжение, и что при этом для них главное – победа и политический выигрыш для страны или же родственные чувства к своим предкам?

– Народ, – ответил корреспондент из будущего, – процентов на девяносто отнесся к этой идее сугубо положительно. Девяти процентам было все равно, и только один процент выступил категорически против. Впрочем, этих несогласных никто не репрессировал, а на их вопли стараются просто не обращать внимание. По этому вопросу, слава Богу, в обществе существует твердый консенсус, и не тому самому, одному проценту, его разрушить. Главнее тут, скорее всего, родственные чувства, а все остальное является сопутствующим товаром. Наши солдаты, вступив в эту войну, спасли миллионы русских – да и не только русских – жизней, позволив людям, погибшим в нашей истории, вырасти в мире и спокойствии, жениться, родить и воспитать детей. Это благое дело. Мы точно так же относимся и к жертвам обеих революций и Гражданской войны. Но туда нам, к сожалению, не дотянуться. Увы.

– А почему, – поинтересовался Бунин, – слишком далеко по времени?

– Да нет, Иван Алексеевич, – ответил корреспондент, – когда мне на инструктаже объясняли принцип действия установки, то сказали, что она работает через своего рода щели в мироздании. И чем дальше в прошлое, тем реже эти щели расположены. Ближайшая дверь после вашего времени – это времена императора Николая Палыча. Так что все, что связано с Русско-японской войной, Первой мировой, революциями и Гражданской войной, находится в мертвом пространстве и недоступно нашему влиянию.

– Жаль, очень жаль, – покачал головой Бунин, – а я-то надеялся... Но давайте предоставим прошлое прошлому и поговорим о настоящем. Скажите, что бы вы хотели от меня узнать? Ведь обычно журналисты такие любопытные, а в данном случае я задаю вам больше вопросов, чем вы мне.

– Так это вполне естественно, – кивнул Соломин, – я о вашем времени достаточно начитан и пусть оно мне и не родное, но я в нем свободно ориентируюсь, в то время как наш мир для вас полностью «терра инкогнита», и вы, естественно, желаете знать, что собой представляет это белое пятно на исторической карте. Кроме того, по содержанию ваших вопросов и тону, которым они заданы, интонациям голоса и выражению лица я довольно точно могу определить, что вас интересует, радует и печалит, и к чему вы стремитесь.

– Очень интересно, – сказал Бунин, как-то растерянно улыбнувшись, – вы все больше и больше меня удивляете. Хотел бы я собственными глазами увидеть вашу забарьерную Россию и посмотреть, как там все изменилось за сто лет с того момента, как мы покинули родную землю. Но, к сожалению, это невозможно...

– Почему невозможно? – удивился Соломин. – Это довольно просто сделать. Как представитель редакции, я уполномочен заключить с вами контракт на турне по городам и весям нашей России с написанием серии статей, эссе, зарисовок, рассказов – короче, литературную форму творчества вы можете определить для себя сами. Если вы не хотите ехать один, возьмите с собой своих близких. Ведь в этом случае взгляд на нашу действительность будет еще более разнообразным и объективным. Кроме того, мы можем посодействовать с изданием у нас вашей новой книги – хоть на страницах нашего журнала от номера к номеру, хоть отдельной книгой.

– Эхм... да уж, – задумчиво произнес Бунин, почесывая подбородок, – скажу прямо – ошарашили вы меня, господин Соломин, ошарашили... Но, надеюсь, у меня есть время подумать хотя бы два-три дня, посоветоваться с близкими мне людьми? А вы пока побудьте моим гостем, поживите у нас на вилле, составьте, так сказать, непредвзятое мнение о нашей действительности.

* * *

27 августа 1941 года / 17 марта 2018 года. 16:05. СССР-1941, Днепропетровская область, город Павлоград

Командующий 1-й армией ОСНАЗ генерал-лейтенант Константин Константинович Рокоссовский

После того как в первой половине августа наши танки вышли к побережью Северного моря, освободив от германских войск территории Бельгии и Голландии, последовала команда сдать позиции следующим за нами линейным частям РККА и грузиться в эшелоны для отправки к новому месту дислокации. Эшелоны прибыли почти сразу, и везли нас на восток по «зеленой улице», делая короткие остановки только для смены паровозов и пополнения запасов воды в титанах. От Амстердама до Бреста, с которого все началось, мы пролетели с запада на восток через всю Европу чуть больше чем за сутки, хотя на запад от этого Бреста с боями мы шли почти полтора месяца.

Тогда я, грешным делом, решил, что наше руководство решило доиграть отложенную после Халхин-Гола партию с японской Квантунской армией. А что, в рекордные сроки разбили врагов на западе и повернулись ко второму лютому и непримиримому врагу, чтобы разобраться и с ним. Но после еще двух дней пути, уже на советской территории, наш штабной эшелон остановился на станции Павлоград и началась выгрузка личного состава и техники. Вскрытый мной «красный пакет» предписывал принять эшелоны с техникой и личным составом и развести части армии по районам сосредоточения.

В связи с этим вспоминался наш переход вместе с Экспедиционным корпусом своим ходом в XIV веке из Крыма на исходные позиции, расположенные на территории нынешней Западной Белоруссии и Литвы. Представьте себе – кругом дичь, пустошь, безлюдье, Киев тамошний из сотни домов – как разоренный Батыем полтора века назад, так и не оправившийся. И тут мы на танках и боевых машинах, колоннами по век назад брошенным полям, мимо поросших лесом пепелищ. Все эти территории, как выморочное имущество канувшей в Лету Киевской Руси, досталось Великому княжеству Литовскому. Но никаких феодалов-угнетателей на этой территории еще не было – по причине отсутствия угнетаемых. Чем выше мы поднимались по течению Днепра, тем чаще встречались селения и даже города. Хотя какие там города; Бобруйск – деревня, Минск – большая деревня, а на самой Литве все было выжжено и вытоптано почти столетней войной с тевтонским орденом. Оказывается, до нас там поработали дипломаты, и литовцы с поляками приняли нас как союзников.

Довелось мне лично встретиться с Ягайло и с Витовтом, а также руководить разгромом сунувшегося в Литву как раз под наш визит крестоносного войска. А уже через четыре дня пришел приказ выходить в район сосредоточения в нашем времени.

Но сейчас мне было непонятно – где в самой, считай, середине Советского Союза находится тот самый враг, на битву с которым мы мчались с такой скоростью через всю Европу и которого нам предстоит атаковать с исходных позиций в районе Харькова, Днепропетровска, Запорожья, Николаева?

Все прояснил неожиданно появившийся в моем штабном вагоне товарищ Берия, в сопровождении нескольких порученцев и адъютантов в разных чинах, а также еще один товарищ,

представившийся майором госбезопасности Сергеем Николаевичем Филимоновым, в котором сразу же узнавался человек «оттуда».

При появлении этой странной компании я, честно сказать, насторожился. Воспоминания о людях из НКВД у меня были не самые приятные – два с половиной года во внутренней тюрьме УНКВД по Ленинградской области по ложному обвинению, основанному на сфальсифицированных показаниях человека, который погиб двадцать лет назад. Скажу честно, все было – и пытки, и избиения, и ложные расстрелы. Но все это осталось в прошлом, и я совершенно не понимал, для чего в моем штабе появились эти люди в фуражках василькового цвета.

Во время формирования и подготовки армии на полигонах, развернутых потомками в далеком прошлом, я довольно интенсивно общался с некоторыми из них как по службе, так и вне ее, и был хорошо информирован о том, что они думали по поводу наших безобразий, творившихся с тридцать седьмого по сороковой год. Также мне было прекрасно известно и о том, что творилось в том, сорок первом году ИХ истории, когда немецкая армия напала, а у руководства приграничных округов оказались то ли идиоты, то ли предатели. Троцкистский антипартийный заговор военных был – в этом уверены почти все. Но в его руководство, помимо Тухачевского, входили и высшие чины НКВД Ягода и Ежовым, впоследствии расстрелянные. Поэтому арестовывать, сажать в лагеря и расстреливать начали отнюдь не заговорщиков, а своих конкурентов с целью последующего занятия высших командных должностей. Вполне логичный и законченный взгляд на этот вопрос. К сожалению, потомки у нас появились уже тогда, когда основной вал арестов спал, и спасти из несправедно арестованных было уже некого. Кого уже и так освободили (вроде меня и Горбатова), а кого приговорили к высшей мере и уже успели расстрелять.

Увидев мою реакцию, Берия тяжело вздохнул.

– Да не бойтесь вы, Константин Константинович, – сказал он, – мы не за вами, а к вам.

– А я и не боюсь, – ответил я, – и вы это, товарищ генеральный комиссар госбезопасности, прекрасно знаете.

– Знаю, – подтвердил Берия, – но сейчас это не имеет отношения к делу. Я прошел к вам в штаб для того, чтобы поставить перед вашей армией боевую задачу и попутно обрисовать военную и политическую обстановку в тех местах, где вам предстоит действовать.

– А разве задачу моей армии должна ставить не Ставка Верховного Главнокомандования? – спросил я.

– Правильно, Константин Константинович, – ответил Берия, доставая из кармана сложенный вчетверо мандат, – вот, читайте.

В мандате было написано следующее:

«Товарищ Берия действительно является представителем Ставки верховного главнокомандования и обладает всей полнотой принятия решений в отношении операции «Звезда Польша».

И подпись красным карандашом: «И-Ст».

Прочитав мандат, я вопросительно посмотрел на Берия. Хоть его полномочия и были только что подтверждены, но обстановка яснее не стала. Где мы в центре Советской Украины должны будем проводить наступательную операцию такого масштаба, что в ней будет принимать участие целая армия особого назначения?

Этот вопрос – правда, в несколько завуалированной форме – я и задал Лаврентию Берия. Ответ, честно сказать, меня ошарашил.

– Операция «Звезда Польша», – сказал мне Берия, – будет проводиться на территории Украины XXI века, власть в которой в результате государственного переворота захватили националистические прозападные силы, превратившие государство в фашистскую машину по уничтожению своих собственных сограждан. Две области тогдашней Украины – Луганская (в наше время Ворошиловградская) и Донецкая (в наше время Сталинская) не признали госу-

дарственный переворот и восстали против фашистского государства с оружием в руках. Гражданская война двух маленьких народных республик, поддерживаемых Российской Федерацией, и остальной фашистско-националистической Украины продолжается уже четыре года. Согласно договору о дружбе, сотрудничестве, и взаимной помощи между СССР и Российской Федерацией в качестве ответного жеста доброй воли мы берем на себя нормализацию обстановки на территории бывшей Украинской Советской Социалистической Республики и в странах Прибалтики с превращением их в витрины социализма в этом мире. В общих чертах задача понятна?

– Так точно, товарищ Берия, – ответил я, – в общих чертах задача понятна. Но скажите, разве наши потомки не в состоянии справиться с этим самостоятельно?

– Увы, нет, – Берия, близоруко щурясь, снял пенсне и начал протирать его платком, – они не могут этого делать по многим причинам, по большей части внешнеполитическим. У нас же, как у СССР, который уже включает в себя Украинскую ССР, руки полностью развязаны. К тому же такие действия прямо предусмотрены заключенным между нами Договором о взаимной помощи. Долг, как говорится, платежом красен.

– Тогда, товарищ генеральный комиссар госбезопасности, – ответил я, – мне все окончательно понятно, разрешите приступить к выполнению задания.

– Приступайте, товарищ Рокоссовский, – сказал Берия, – а об обстановке на той стороне во всех ее подробностях вам доложит майор Филимонов. На этом у меня все.

27 августа 1941 года / 17 марта 2018 года. 16:05. СССР-1941, Днепропетровская область, город Павлоград

Командующий 1-й армией ОСНАЗ генерал-лейтенант Константин Константинович Рокоссовский

Я с любопытством глянул на майора Филимонова. Несмотря на свой довольно высокий чин (почти генеральский), держался он скромно, без свойственной для его коллег фанаберии. Мне уже доводилось иметь дело с людьми из будущего, и я заметил, что они с уважением относятся к нам, армейским командирам и красноармейцам, не то что некоторые...

Тем временем Филимонов вздохнул, достал из планшета стопку листков и несколько фотографий и произнес:

– Константин Константинович, из вашего послужного списка нам известно, что в годы Гражданской войны вам уже приходилось иметь дело с националистическими элементами на Украине...

Видимо, майор Филимонов решил, что наша беседа будет более непринужденной, если мы будем обращаться друг к другу не по званию и фамилии, с добавлением обращения «товарищ», а по имени-отчеству, как было принято в старой русской армии.

– Было дело, Сергей Николаевич, – ответил я, подхватив его тон. – С февраля по июль 1918 года мне довелось в составе красногвардейского кавалерийского отряда сражаться против банд Петлюры и Скоропадского в районе Харькова и Хутора-Михайловского. Только эти, как вы их назвали, националистические отряды, не были самостоятельны. Они фактически подчинялись германскому генералу фон Эйхгорну. Так что мы сражались больше не с ряжеными под запорожских казаков бандитами, а с германскими частями. Правда, в районе Хутора-Михайловского пришлось столкнуться и с австрияками.

– Ну, нынешнее руководство Украины тоже далеко не самостоятельно, – усмехнулся майор Филимонов. – Без согласия посла США оно не смеет принять ни одного важного решения. Страна, если ее можно так назвать, управляется дистанционно, из-за рубежа. И нужна она своим хозяевам лишь в качестве плацдарма против России. Единственная разница с 1918 годом заключается в том, что американцы не торопятся посылать на Украину свои войска.

– Но вроде бы не вся Украина попала под влияние иностранных держав, – вспомнил я слова Берия, – Ворошиловградская и Сталинская области не захотели подчиняться фашист-

скому правительству Киева и с оружием в руках сражаются против карателей, посланных их умирять. И, как я понял, каратели так и не смогли подавить восстание людей, не желающих подчиняться западным прихвостням.

– Все именно так, – подтвердил майор, – образовалось что-то вроде Донецко-Криворожской советской республики – помните, была такая во время Гражданской войны.

– Помню такую, – сказал я. Мне вспомнились бои весны-лета 1918 года, когда австро-немецкие войска вторглись на территорию Донецко-Криворожской республики и силою оружия ликвидировали ее. Остатки ее войск отошли на Царицын.

– Так вот, Константин Константинович, – продолжил свой рассказ майор Филимонов, – в нашей истории войска марионеточного киевского режима тоже попытались ликвидировать восставших, не желавших подчиняться фашистам. Шахтеры и рабочие с голыми руками выходили против вражеских танков и вооруженных до зубов бандеровских головорезов. И они победили – фашисты так и не смогли захватить Ворошиловград и Сталино. А вражеские войска несколько раз попадали в окружение, где их безжалостно истребляли, словно бешеных собак.

Мне стало не по себе. На мгновение я представил, как безоружные люди бросаются на ревущие боевые машины, не зная, останутся они или двинутся дальше, намотав смельчаков на гусеницы.

– А почему ваша Россия не помогла им разгромить украинских фашистов? – спросил я. – Ведь если с войсками из Киева смогли справиться донецкие шахтеры, то уж российская армия разгромила бы фашистов в течение суток, а может быть, и быстрее.

– Этого мы сделать не могли, – сухо произнес мой собеседник. – Не могли по многим причинам, часть из которых имеют внешний, а часть внутренний характер... Хотя, поверьте мне, тысячи добровольцев отправились на помощь Донбассу, и многие из них там погибли, защищая мирных людей от нашествия фашистских варваров.

– Понятно, – сказал я, хотя, если честно, многое мне было непонятно. Но тут, похоже, вмешалась большая политика, к которой я не был допущен. И слава Богу – мои мытарства по тюрьмам научили меня заниматься своим прямым делом – воевать и не совать свой нос куда не надо.

– Скажите, Сергей Николаевич, – спросил я, чтобы сменить тему, – а кто такие «бандеровские головорезы»?

– Константин Константинович, – вопросом на вопрос ответил мне майор Филимонов, – вам фамилия Бандера ничего не говорит? Степан Бандера – один из лидеров ОУН – организации украинских националистов. О нем писали газеты в 1934 году в связи с процессом по делу об убийстве польского министра внутренних дел Бронислава Перацкого.

Я напряг память и вспомнил, что, действительно, в июне 1934 года в центре Варшавы тремя выстрелами в голову был застрелен польский министр внутренних дел. Вроде бы в газетных материалах по этому делу упоминалась фамилия некоего Бандеры. Правда, я тогда не обратил на нее внимание – в Польше проводилась «пацификация» – жандармы Пилсудского в так называемых «Восточных Кресах» выселяли из своих домов и изгоняли из родных мест украинцев, а их земли и дома отдавали «осадникам» – бывшим солдатам польской армии. Все это вызывало противодействие украинцев. Было убито и ранено несколько тысяч мирных людей, и насильственно выселено около пяти тысяч человек.

– Что-то припоминаю, – ответил я, – только какое это имеет отношение к тому, что происходит в ваше время? Ведь этот Бандера наверняка уже умер.

– Лидер ОУН Степан Бандера имеет самое прямое отношение к тому, что происходит сейчас на Украине, – хмуро произнес майор Филимонов. – Хотя сам Бандера, верно служивший во время войны немцам, успел сбежать к союзникам, и в 1959 году был убит чекистами в Мюнхене, его последыши сделали из него героя. Потому-то их и называют бандеровцами. Они оказались достойными своего лидера. Живодеры из ОУН убили множество мирных жителей,

в том числе женщин и детей. Причем убили самым зверским способом. – Майор протянул мне конверт. – Вот, Константин Константинович, почитайте на досуге.

Я мельком взглянул на его содержимое, и вздрогнул. Там были фотографии с запечатленными зверствами. Я старый солдат и многое повидал на войне. Но ТАКОЕ...

– Так это же нелюди, пся крив! – произнес я в сердцах. – Как только земля носит таких убийц!

– Вот вашей армии и придется отправиться на нашу сторону времени и разобраться с этими нелюдями. – ответил майор. – Сразу должен сказать вот что. Согласно заключенному между СССР и Российской Федерацией союзному договору территории бывших советских республик – таких как как Грузинская, Украинская, Литовская, Латышская и Эстонская – становятся эксклавами СССР в нашем мире; так же, как эксклавом Российской Федерации в вашем стала территория бывшей Восточной Пруссии. Как только сосредоточение вашей армии на исходных рубежах и ее подготовка к ведению боевых действий в условиях XXI века будут закончены, вы (то есть части вашей армии) должны внезапно появиться в ближних и глубоких тылах украинской националистической группировки, осаждающей Донбасс. В вашу задачу входит подвернуть полному уничтожению ее тыловую инфраструктуру, штабы, склады, аэродромы, позиции артиллерии и другие объекты, после чего отрезать националистам пути отступления вглубь Украины. Тем временем части и соединения, проходящие по нашему ведомству, предпримут свои действия в глубине вражеской территории, чтобы это государственное недоразумение под названием Украина полностью прекратило свое существование. Операция должна быть стремительной и завершиться до того, как Запад успеет прожевать свои галстуки и сказать хоть что-нибудь вразумительное.

Я понял, что второй раз в жизни мне предстоит принять участие в гражданской войне, причем по иронии судьбы произойти это должно ровно через сто лет и в тех же краях, где я воевал с украинскими националистами в первый раз...

Тем временем Филимонов вздохнул, облизал пересохшие губы и произнес:

– Теперь, Константин Константинович, поговорим по существу политического вопроса. Когда начнется наступательная Донбасская операция, приказ на проведение которой вы чуть позже получите от своего начальства, ни один из последышей Скоропадского, Петлюры и Бандеры не должен остаться в живых! В первую очередь это касается бандитов из так называемых территориальных батальонов национальной гвардии. Это мерзавцы, по большей части уголовные преступники, на которых клейма некуда ставить, и их делами будут заниматься мои коллеги. Поэтому, чтобы не загружать их лишней работой, я бы посоветовал вам просто не брать их в плен, считая обыкновенными бандитами, которые даже хуже германской СС, с которой, как я знаю, вы тоже на фронте особо не церемонились. Документы, которые я вам сейчас передал, мы оформим в виде листовок и раздадим бойцам вашей армии. Думаю, что они сделают правильные выводы.

Правда, вам придется встретить на территории Украины и то, что там называется вооруженные силы этого псевдогосударства. Солдаты и офицеры вооруженных сил Украины тоже замешаны в убийствах мирных жителей в Донбассе, и у многих из них руки по локоть в крови. Но с ними следует поступать следующим образом – оказавших сопротивление уничтожать на месте без всяких сантиментов, невзирая на то, что они говорят с нами на одном языке. А тех, кто сдастся в плен – передать для фильтрации в органы контрразведки Луганска и Донецка. Там ведется строгий учет всех случаев обстрела городов и поселков Донбасса и установлены фамилии командиров, отдавших приказ обстрелять мирных жителей, и тех, кто эти преступные приказы выполнял. Виновные предстанут перед судом, а те, на ком кровь женщин, стариков и детей, понесут суровое наказание.

«Вот так дела! – подумал я. – Оказывается, мне здесь придется не столько воевать, сколько карать убийц и отлавливать бандитов... Только ведь кто-то должен этим заниматься...»

Мне вдруг вспомнился растерзанный труп девочки, лежавший на земле. На минуту я представил, что на ее месте могла бы оказаться моя дочь. «Нет, – решил я, – никакой пощады этим зверям в человеческом обличье! Надо отправить всех наследников Бандеры к их вождю. Пусть в аду они занимаются строительством своего «Незлэжного пекла», если, конечно, Сатана им это позволит».

– Константин Константинович, – сказал майор Филимонов. – Вам придется взаимодействовать с вооруженными силами Донецкой и Луганской народных республик. Они хорошо ориентируются в обстановке и опыт боевых действий у них уже солидный. Я вызвал в штаб руководителей ЛНР и ДНР, чтобы они встретились с вами и согласовали совместные действия. Они рады встретиться с вами и с гордостью будут сражаться под началом такого прославленного военачальника, как вы. Кстати, мы с вами тоже не прощаемся, в дальнейшем я буду находиться при вашем штабе в качестве представителя моей службы. Если ко мне будут вопросы, я с радостью на них отвечу...

* * *

21 марта 2018 года (31 августа 1941 года) 12:15. Украина-2018, Донецкая область, Марьинский район, город районного значения Курахово, штаб 55-й отдельной артиллерийской бригады ВСУ

55-я артиллерийская бригада была известна тем, что в течение четырех лет – с момента переворота в Киеве и начала народного восстания на востоке Украины – занималась исключительно артиллерийскими обстрелами прифронтовых районов Донецка. Те, кто в украинской пропаганде числились как «херои АТО», по факту были убийцами – их жертвами в основном становились женщины и дети, проживающие в районах частной застройки в пределах досягаемости гаубиц МСТА-Б бригады, окопавшихся на терриконе Кураховского ЦОФа. Били оттуда украинские артиллеристы на пределе дальности, опасаясь придвинуться ближе к фронту, дабы в ответ на обстрелы им не прилетела сокрушающая ответка от артиллеристов ВСН. Кроме того, к 2018 году стволы у гаубиц МСТА-Б оказались полностью расстрелянными, из-за чего снаряды обычно летели даже не туда, куда их направляли вечно нетрезвые и по жизни косорукие укро-артиллеристы, а «примерно вон в том направлении», или, «на кого пошлет Бог».

Кроме обстрелов Донецка, «воины» 55-й артиллерийской бригады отличались пьянством, мародерством, издевательствами над местным населением, называемым ими не иначе как «сепарами», вождением автотранспорта в нетрезвом виде (что зачастую приводило к ДТП со смертельным исходом), а еще склоками с собственным начальством по поводу невыплаты «боевых», которые полагались за убийство мирного населения. Командир бригады полковник Сергей Брусов, человек с седой головой и бешеными глазами затравленного волка, фигурирует во множестве уголовных дел, заведенных на него Следственным комитетом Российской Федерации и Генеральной прокуратурой ДНР по поводу ведения запрещенной международными законами войны против гражданского населения.

Но командование 55-й артбригады, как и все прочие ее деятели (до рядовых включительно) считали, что уж им-то находящимся на самых дальних рубежах АТО и стреляющим с безопасного расстояния, ничего не грозит. Правда, иногда дивизионы выдвигались на передовые позиции – под ту же многострадальную Авдеевку, Марьинку или Красногоровку, где был риск словить ответный артналет. Но и этот риск сводился к минимуму, так как, выпустив по несколько снарядов (часто прямо из жилой застройки), убийцы женщин и детей быстренько сворачивались и убирались подальше в тыл. А что касается уголовных дел, заведенных на сол-

дат и офицеров бригады в России и ДНР, так они считали, что коллективный Запад не допустит, чтобы их сажали в тюрьму, да и вообще наказывали из-за такой мелочи, как убийство каких-то донецких «сепаров».⁴

Ликвидацию людоедов и убийц из 55-й отдельной артиллерийской бригады поручили 2-й мотокавалерийской дивизии особого назначения полковника Ягодина Михаила Даниловича, входящей в 1-й мотострелковый корпус особого назначения Иссы Плиева. Бойцы дивизии, перед тем как пройти в ее составе славный боевой путь по Европе от Ломжи до Амстердама, в свое время прошли все круги ада заповедных полигонов. В XIV веке только что сформированная дивизия участвовала в ликвидации генуэзских плацдармов в Крыму и в наведении порядка в Великом Княжестве Литовском. А в XVII веке, уже окончательно укомплектованная и обученная, гоняла по придонским степям ногаев и татарву, обеспечивая расчистку территории под полигоны между Доном и Днепром, а заодно и ликвидацию того степного плацдарма, с которого ногайские и крымскотатарские отряды совершали набеги на Московское царство.

И обучаться, и действовать во время «расчистки» полигонов от степных бандформирований им приходилось как раз в этих местах. Полковник же Ягодин (кстати, по национальности числящийся украинцем), уроженец Херсонской губернии, в молодые годы (с восемнадцатого по двадцатый) как раз здесь сражался с австро-венгерскими и немецкими оккупантами, петлюровцами, махновцами, деникинцами и григорьевцами, а также с прочими бандитами (в Подольской губернии), которых рождало забродившее вдруг козацкими идеями украинское самосознание. Выслушав инструктаж и политинформацию перед операцией, Ягодин с солдатской прямоотой заявил, что за сто лет в этих краях ничего не изменилось, и бандиты и их спонсоры остались теми же. Ну или почти теми же, поскольку он не видит принципиальной разницы между австрогерманскими империалистами в восемнадцатом году XX века и американскими империалистами в восемнадцатом году века XXI-го.

Из состава дивизии в деле пока предстояло участвовать двум мотострелковым полкам и разведывательному батальону дивизии, уже отметившемуся многими славными делами во время короткой полуторамесячной кампании в Европе. Подготовка к той войне длилась вчетверо дольше, чем сами боевые действия, которые после прорыва на Одере тоже в основном свелись к отдельным стычкам с мелкими группами нацистских фанатиков, ибо регулярных войск вермахта и ваффен СС у гитлеровцев к тому моменту уже не осталось. И вот еще одна

⁴ Вот что писала по этому поводу Комсомольская правда 18 февраля 2017 года: Вечером в четверг, 27 октября 2016 года, район железнодорожного вокзала Макеевки содрогнулся от мощных взрывов. Такого местные жители не помнили с лета 2014-го года! В доме №7, что в Газетном переулке, на первом этаже была полностью разрушена квартира. В тот момент возле подъезда находился Андрей Журбин. Ему оторвало ногу, мужчина истек кровью и умер. По иронии судьбы погибший работал главным врачом больницы. Андрей возглавил медучреждение в трудное время. Коллеги вспоминают о нем как о надежном человеке. Сиротами остались три дочери Андрея – Валентина, Мария и Виктория. В соседнем доме «прилет» пришелся на пятый этаж. От снаряда в стене образовалась огромная дыра, а внутри обрушился лестничный пролет. На следующий день местные жители принесли к дому живые цветы, зажгли лампадки и помолились – здесь погиб еще один макеевчанин, Николай Садыков. – Николай возвращался с шестилетней дочкой Сонечкой из гаража, – рассказала председатель квартала «Строитель» Майя Мозалевская. – Настя, его жена, ждала их к ужину... Мужчине оторвало осколком голову, а девочке сильно посекло лицо. Взрывная волна от снарядов была такой силы, что все окна в близлежащих многоэтажках просто вышибло. Изрешетило и расположенный неподалеку детсад №26. В тот «кровавый четверг» погибли трое мирных жителей, десять получили ранения, из них – двое детей. Как потом установили специалисты по баллистике, огонь по Макеевке велся из Авдеевки. Стреляли из артиллерийских орудий калибра 122 и 152 миллиметра. По прямой от Авдеевки до ж/д вокзала Макеевки – 12-13 километров. Достаточное расстояние, чтобы туда долетел снаряд, выпущенный из 122-миллиметровой пушки. Документы армейского командования ДНР содержат подробные схематические данные о направлениях обстрела и использованном вооружении, а также информацию о восьми командирах из двух бригад ВСУ, причастных к убийству мирных жителей. Обстрелами жилых кварталов руководили командир 55-й артиллерийской бригады Сергей Брусов и командир 72-й механизированной бригады Андрей Соколов. Октябрьский обстрел Макеевки – лишь один пример из черного списка злодеяний, совершенных 55-й артбригадой, чье постоянное место дислокации находится в Запорожье. Практически с первых дней АТО бригада участвует в карательных операциях против мирного населения Донбасса. Жители Славянска, Дьяково, Волновахи, Иловайска, Донецка, Горловки, Макеевки, Дебальцево и других городов и сел на всю жизнь запомнят «запорожцев» как жестоких и циничных убийц.

война. На этот раз – на своей территории и в далеком будущем... Потому-то последние два дня перед началом операции полковые и батальонные замполиты, наконец-то получившие свои методички, накачивали бойцов информацией о том, кто такие буржуазные националисты и почему получилось так, что в будущем они свергли советскую власть и стали на Украине правящей идеологией.

Раннее утро среды 21 марта 2018 года выдалось хмурым – при порывистом западном ветре и температуре воздуха тринадцать градусов с низких серых туч на многострадальную землю Донбасса сеялся холодный мелкий дождик. В это утро нескольких точках в окрестностях Курахова вдруг раскрылись полевые порталы и по дорогам, среди раскисших от распутицы полей, на своих больших колесах покатали БТР-70 с советскими опознавательными знаками. Порталы открылись и на дорогах между Улаклы и Дачным, а также между Цукуруино или Новоселидовкой. То есть колонны техники шли по дорогам со стороны глубокого украинского тыла – и часовые, которые и так забили на все болт и в такую отвратительную погоду службу несли из рук вон плохо, обнаружили неладное далеко не сразу. Удивляться и недоумевать они принялись лишь тогда, когда мимо них проехали первые БТР с сидящими поверх брони бойцами уж больно неукраинского вида.

Конечно, солдаты укровермахта кое-что слышали о том, что их злой бог Путин сговорился с еще более злым древним богом Сталиным, и они вдвоем в сорок первом году уже успели ухлопать святого для племени укров Адольфа и завоевать всю Европу. Но большинство считало, что «этовсекисилевскаяпропаганда», а меньшинство, понимающее, что теперь деды-прадеды могут вернуться и строго спросить с них, неразумных, почто они продали Родину, уже приготовилось переодеться в гражданку и втечь в кусты. Тем более что солдаты ВСУ, дабы не нарываться, в Донбассе за пределами части появлялись исключительно в гражданской одежде. Месяц назад, несмотря на все противодействие официальной пропаганды, по группировке АТО, которая с какого-то момента оказалась предоставленной самой себе, прошел упорный слушок, что вот-вот вернется ужасный Сталин и загонит всех хероев АТО и их родню туда, куда Макар телят не гонял – в далекую холодную Сибирь.

Прямо посреди украинского укрепрайона на артиллерийских позициях, среди оружейных позиций, штабелей ящиков со снарядами, палаток, полевых кухонь и прочего барахла начал разворачиваться советский мотострелковый полк особого назначения. Стрельбы как таковой не вышло. Во-первых, атака началась в тот ранний час, когда все спали, успокаивая себя удаленностью от линии фронта, а во-вторых, произвели впечатление численность и решимость пришельцев, тут же принявшихся выгонять укровоенов из палаток, отделять их от офицеров и направлять к орудиям и технике. Позиции бригады требовалось в кратчайшие сроки свернуть, а также необходимо было вывести людей, технику и запасы боеприпасов за порталы, где солдат и офицеров ВСУ уже дожидались российские и советские следователи. Офицерам, как людям ответственным, светила ВМСЗ. А их родственники после приговора трибунала попадали под советское законодательство о ЧСИР. Что касается солдат и сержантов, то за свою службу в 55-й ОАБр они могли отделаться пятью или десятью годами лагерей с пожизненным поражением в правах и без права последующего возвращения в XXI век. Но это все же лучше, чем расстрел на месте, который получили те, кто попробовал оказать советским бойцам вооруженное сопротивление.

В Курахово, где в здании школы дислоцировался штаб бригады, получилось еще интереснее. Полковник Брусов успел-таки застрелиться, пока солдаты роты охраны штаба пытались оказать сопротивление, в результате чего советские мотострелки, обозленные потерями, истребили «петлюровцев» до последнего человека. Кроме того, в подвалах местного СБУ обнаружили нескольких человек, арестованных за «сепаратизм», а в сейфах кабинетов нашли списки агентуры и неблагонадежных жителей, подозреваемых в сочувствии «пророссийским силам».

Когда местные жители поняли, кто именно вошел в их город, то прямо на улице под дождем начался импровизированный митинг, на котором народ высказал требование к советским солдатам остаться, вернуть им нормальную власть и никуда не уходить. Люди пребывали в радостном возбуждении, некоторые плакали. И у всех на лицах сияла надежда, с этого момента обретшая под собой твердую основу.

Полковник Ягодин лично вышел к народу и прямо сказал, что они тут остаться не могут, потому что приказ был пока только на проведение разведки боем и ликвидацию обстреливающей Донецк артиллерийской группировки. Но потом, в самом ближайшем будущем, они непременно вернуться – для того, чтобы навести на Донбассе в частности и Украине в целом идеальный советский порядок. А пока он просит граждан разойтись и не мешать советским бойцам выполнять свою задачу.

А выполнять было что. В разгар свертывания бывших украинских позиций на территории вражеское командование, очевидно, осознав, что у него в тылу происходит что-то не то, выслало со стороны линии фронта, проходящей через Марьинку и Красногоровку, по сводной батальонной тактической группе. В районе Острое-Максимилиановка эти БТГ в походных колоннах накрыл огонь артиллерийских дивизионов двух участвовавших в этой операции советских мотострелковых полков ОСНАЗ, после чего рассыпавшиеся на местности украинские вояки некоторое время пытались нащупать конфигурацию оборонительных заслонов группировки полковника Ягодина.

Пока они этим занимались, операция в общих чертах завершилась, и к полудню последний боец советских ОСНАЗ-частей уже покинул территорию Украины-2018. При этом вместе с ними покинула Украину и часть местных жителей, опасавшихся, что после всего случившегося командование карательной группировки введет к ним какой-нибудь нацбат, что многократно хуже, чем ВСУ. На этом разведка боем закончилась и советское командование приступило к планированию следующей локальной операции, имеющей целью лишение украинской группировки тяжелого вооружения и средств управления войсками.

* * *

26 марта 2018 года (5 сентября 1941 года) 12:15. СССР-1941, Днепропетровская область, город Павлоград

Командующий 1-й армией ОСНАЗ генерал-лейтенант Константин Константинович Рокоссовский

Нормальной войны с украинскими националистами XXI века не получилось. После нескольких локальных операций в ближних тылах, лишивших прижатую к линии фронта группировку самостийников не только артиллерийской поддержки и снабжения, но и мало-мальски вменяемого управления, то, что некогда называлось ВСУ, превратилось в большую и неуправляемую банду. Они бы и побежали, но бежать было некуда. Впереди у них находилась линия фронта, а за ней люди, которых они четыре года подряд убивали всеми способами, держали в энергетической, водяной и экономической блокаде. Все это время они гаденько предвкушали, как они развернутся, когда Россия, поддерживающая народные республики, будет сломлена санкциями и отступится – и тогда самостийники получат возможность бросать в тюрьмы, держать на положении рабов и убивать тех, кто не пожелал подобно им поклоняться поганому идолищу Запада, поднесшего чубатым дикарям даже не бочку варенья и корзину печенья, а пригоршню заплесневелых печенюшек и кружевные бабские трусы из дешевой синтетики.

Теперь многие из тех людей, что тогда «стояли на майдане», утверждают, что их гнусно обманули, вместо обещанного дали черт знает что или вообще ничего не дали. А почему им кто-то что-то должен был дать? Ну разве что в морду – ведь сказано же много раз, что бесплат-

ный сыр бывает только в мышеловке! А эти были уверены, что все им должны, и обижаются на то, что никто не хочет возвращать им эти «долги».

Когда мы начали операцию, самостийники с надеждой воззвали о помощи к Западу, но получили в ответ лишь словесные сентенции, осуждающие «агрессию» СССР против независимой Украины, и никакой реальной помощи. Ни один немецкий (с учетом собственных проблем Германии), итальянский, французский или американский солдат не пришел на помощь жестоко избиваемым самостийникам.

Вся помощь им с Запада ограничилась громкими воплями в прессе и грозными заявлениями президентов и премьеров – так из-за забора лают на медведя дворовые шавки. Лают потому, что страшно, а страшно потому, что медведь – это плохо само по себе, но еще хуже от того, что он там не один. Президент России заявил, что его страна не является стороной украинского конфликта, но одновременно напомнил и о договоре между СССР и Российской Федерацией, предусматривающем в числе прочего и взаимную оборону, со всеми вытекающими из этого последствиями, о которых забывать не стоит. Для Гитлера эти последствия кончились печально – прыжком со скалы на четыре года раньше срока. Господа из XXI века отнюдь не хотят следовать его примеру. А все остальное – это разговоры в пользу бедных.

Ведь, как говорит майор Филимонов, «если бы этот коллективный Запад имел возможность нанести поражение местной России и принудить ее к покорности, не нанеся фатального ущерба самому себе, он бы этого непременно добился. А раз ничего подобного нет, то нет у него и таких возможностей».

Мне неизвестны замыслы товарища Сталина, но вполне вероятно, что в случае прямого военного вмешательства американцев или кого-то еще в события на Украине на стороне самостийников последует быстрый и жесткий ответ в виде вторжения Красной армии прямо на территорию Западной Европы XXI века. И коллективная Европа знает об этом и боится, потому что в таком случае от «медведя» ее не будет отделять даже тот хлипкий забор, который имеется сейчас. Пока никто никому не объявил войны, военное вторжение на территорию Западной Европы невозможно. Бывшие республики СССР, которые товарищ Сталин считает незаконно отторгнутыми территориями – это совсем другое дело.

Юридически с нашей, советской, точки зрения, Украина, как и другие бывшие республики (отказавшиеся, в отличие от России, от правопреемства к СССР) являются незаконными государственными образованиями. А самостийная Украина, как и страны Балтии, Грузия и некоторые другие лимитрофы, усугубила это явление, отказавшись даже от цивилизованных форм развода в виде так называемого Союза Независимых Государств. После поражения местного СССР в «холодной войне» и его распада не было подписано документов, имеющих хоть какую-то юридическую силу и закрепляющих новое мироустройство. Как говорит майор Филимонов, это делалось потому, что сам Беловежский стговор, зафиксировавший этот распад, был юридически ничтожен, и люди, поставившие под ним свои подписи, не обладали для этого необходимыми полномочиями. Тогда все это понимали, но молчали, потому что считали СССР обреченным. Теперь тоже молчат, но уже по другой причине.

Например, во время операции по ликвидации так называемого штаба АТО в Краматорске наши войска, помимо офицеров ВСУ, захватили военнослужащих Польши, Чехии, Финляндии, Германии, Швеции, Голландии, Франции, Бельгии и Великобритании. Судьба этих иностранных офицеров, оказывавших самостийникам помощь в ведении боевых действий против армий народных республик, является предметом отдельных переговоров с соответствующими правительствами.

Ситуация на данный момент такова. В XXI веке заслоны из частей нашей армии стоят по внешним границам Сталинской и Ворошиловградской областей. Часть самостийников, находившихся в основном севернее Ворошиловграда, не желая сдаваться ни нам, ни местным ополченцам, бежали на территорию Российской Федерации. А остальные, по взаимной догово-

ренности с народными республиками, попали в сферу ответственности их армий, которые в настоящий момент производят пленение и сортировку солдат и офицеров бывшей армии самоустийной Украины. Кошмар, продолжавшийся для них целых четыре года, закончился. СССР признал народные республики в границах соответствующих областей (думаю, что временно, как буферные образования, подобные уже существовавшей когда-то Дальневосточной республике). Пройдет время – и эти государственные образования сами войдут или в состав Советской Украины XXI века, или в состав Российской Федерации.

На остальной части так называемой Украины (за исключением территорий, присоединенных в 1939 году), действуют дивизии НКВД, получившие приказ приступить к разоружению остатков армейских и полицейских формирований самостийников, наведению порядка и восстановлению советской власти.

* * *

26 марта 2018 года (5 сентября 1941 года) 15:25. Белоруссия-2018, город Минск
Контактная группа по Украине, присутствуют:

от Украины – Леонид Кучма;

от ОБСЕ – Мартин Сайдик;

от ДНР и ЛНР – Денис Пушилин и Владислав Дейнего;

от России – Борис Грызлов.

Представитель Украины выглядел так, будто он только что похоронил всех своих родных и близких, напился по этому поводу вдрызг, а теперь испытывал из-за этого приступы тяжелейшего похмелья.

– Господа, – произнес он дрожащим голосом, – мне только что сообщили, что столица независимой Украины город Киев захвачен русскими, то есть советскими, оккупантами, заявившими о полной и окончательной ликвидации украинской государственности, жестоко поправ тем самым всю систему международных отношений!

– Это невозможно и возмутительно! – выкрикнул представитель ОБСЕ Мартин Сайдик, выпучивая маленькие глазки на толстой роже, – мы требуем, чтобы Россия немедленно вернула все в исходное состояние, прекратила оккупацию независимой Украины и вывела с ее территории свои войска!

– На территории Украины нет российских войск, – лаконично ответил Борис Грызлов, – и она не является стороной внутриукраинского конфликта. Следовательно, мы не можем вывести то, чего не вводили, и прекратить то, чего не начинали. Что касается войск, которые на Украину ввел СССР, то мы считаем, что советское правительство находится в своем праве, поскольку Украина, да и остальные государства-лимитрофы отказались от правопреемства по отношению к республикам бывшего СССР. Российская Федерация – это единственное государство, образовавшееся при распаде СССР и сохранившее преемственность по отношению к своему предшественнику РСФСР.

– Но как же минские соглашения, имплементацию которых мы призваны обеспечивать! – выкрикнул представитель ОБСЕ.

– Подписи представителя СССР нет под минскими соглашениями, – ответил Борис Грызлов, – так что и по этой части со стороны СССР тоже нет никаких нарушений. Кроме того, СССР 1941 года не является ни членом ООН, ни членом ОБСЕ, СЕ и прочих организаций такого рода, а следовательно, не обязана соблюдать их правила.

– Между прочим, – сказал Пушилин, – советское правительство уже признало Донецкую и Луганскую народные республики в границах соответствующих областей. Теперь наше руководство в силу изменившегося статуса наших республик и прекращения существования украинского государства считает, что дальнейшие переговоры в минском формате утратили всякий

смысл, тем более что срок действия этого соглашения, который украинская сторона упорно не желала исполнять, истек еще пятнадцать месяцев назад, но так и не был продлен. До свиданья, господа, точнее, прощайте.

– Да, – подтвердил Дейнего, – минский процесс можно считать окончательно закрытым по причине прекращения существования украинского государства. А с Советским Союзом, к которому перешли украинские территории, у нас отдельные отношения, не требующие участия международных посредников и даже Российской Федерации. Не стоило вам, господа европейцы, четыре года назад затевать Майдан. Случись все иначе, можно было обойтись без таких крутых мер.

Сказав все это, представители ЛНР и ДНР встали и покинули зал переговоров. Следом за ними вышел и Борис Грызлов. И лишь украинский экс-президент Кучма и специальный посол ОБСЕ Мартин Сайдик продолжили сидеть за столом, раскрыв онемевшие рты.

Как говорится, Game Over (Конец Игры)...

* * *

8 сентября 1941 года (29 марта 2018 года) 15:25. СССР-1941, Москва, Кремль, кабинет Верховного Главнокомандующего

Присутствуют лично:

Верховный главнокомандующий ВС СССР Иосиф Виссарионович Сталин;

Начальник Генерального штаба Красной армии маршал Борис Михайлович Шапошников;

Нарком внутренних дел СССР генеральный комиссар госбезопасности Лаврентий Павлович Берия;

Нарком иностранных дел и председатель Совнаркома Вячеслав Михайлович Молотов.

Присутствуют в режиме видеоконференцсвязи:

Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин;

Начальник Генерального штаба ВС РФ генерал армии Валерий Васильевич Герасимов;

Министр обороны РФ генерал армии Сергей Кожухетович Шойгу;

Министр иностранных дел РФ Сергей Викторович Лавров;

Куратор ГНКЦ «Позитрон» Павел Павлович Одинцов.

Совместное заседание ГКО СССР в узком составе и делегации Российской Федерации вел не один из глав государств, как это можно было бы ожидать, а Нарком иностранных дел СССР и по совместительству председатель Совнаркома Вячеслав Михайлович Молотов.

– Товарищи, – не торопясь произнес он, блеснув линзами очков, – войну с германским фашизмом можно считать выигранной полностью и бесповоротно. Правда, никакого акта о безоговорочной капитуляции от гитлеровской Германии нам получить не удалось, потому что нацистское государство как таковое распалось и прекратило свое существование раньше, чем прекратили сопротивление остатки их вооруженных сил.

– Попутно, – сухо добавил президент Путин, – вы в течение не более чем пяти дней выиграли войну и с украинским фашизмом. Выдающийся результат.

– Не менее выдающийся результат, чем у вас в две тысячи восьмом, – парировал этот выпад президента Берия, – тамошние грузины, как говорят боксеры, против вашей армии хотя бы честно продержались на ринге целых четыре дня, а эти потомки Шухевича и Петлюры начали разбегаться словно крысы, как только поняли, что за ними пришли. Как оказалось, основная задача – не разгромить их, а переловить. Если желаете, мы можем поделиться с вами добычей. Хотите Линура Ислямова – свеженького, тепленького, с пылу-с жару? Или толстяка Геращенко, любителя составлять проскрипционные списки? Или вы хотели бы, чтобы этот авгиев свинарник так и остался необрунным, а жители этой территории так и оставались во власти злобных идиотов, жаждущих чужой крови? Если бы мы так поступили, граждане СССР

украинской национальности нас бы не поняли, да и остальные тоже. Нельзя было оставлять на произвол судьбы собственных потомков, виновных только в том, что они были так глупы, что взгромоздили себе на шею вороватую камарилью, при том, что каждое последующее правительство было только хуже предыдущего.

– Да нет, – быстро произнес Путин, – этот, как вы, Лаврентий Павлович, выразились, авгиев свинарник рано или поздно убирать пришлось бы. И не было там никаких все более ухудшающихся правительств. Просто в распоряжении у каждого последующего правительства оставалось все меньше и меньше не разворованного советского наследия. Дело в другом. В связи с этой уборкой (и не только с ней) у нас до крайности осложнилась международная обстановка. Надо сказать, что, как мы и рассчитывали, наш с вами союз против Гитлера и стремительная победа во Второй мировой войне встряхнули этих господ на западе и привели их в чувство; при том, что большая часть населения в тех же странах Европы и Америки поддерживала все же нас, а не собственные власти. Быть другом Гитлера – это ужасный моветон, и такое положение сохраняется даже сейчас, через семьдесят с лишним лет после разгрома нацистской Германии. Но теперь, после того как, вы прибрались в этом свинарнике и утилизировали последние остатки его самостоятельности, пресса и дипломатия западных стран (в первую очередь США) единым фронтом пошли в крестовый поход против Российской Федерации, утверждая, что поскольку мы являемся правопреемниками СССР, то несем ответственность за ваши действия в нашей реальности. Если СССР может предъявить претензии на территории стран-лимитрофов, образовавшихся на месте его союзных республик, то и мы должны нести ответственность за ваши действия, поскольку являемся вашими наследниками.

– Понятно, – кивнул Молотов, – получается что-то вроде концепции змеи, кусающей себя за хвост. Дурацкая идея, но в условиях, когда ваши межвременные порталы срабатывают не только из будущего в прошлое (что вполне понятно даже выпускнику нашей семилетки), но и из прошлого в будущее – что, как говорят товарищи Капица и Ландау, вообще не лезет ни на одну голову. Думаю, что физики ваших американцев тоже ничего не понимают.

– Вячеслав Михайлович, – сказал Путин, – с нашей стороны на этом совещании присутствует куратор проекта межвременных порталов Павел Павлович Одинцов, человек из нашей с вами, Лаврентий Павлович, конторы, не склонный к преувеличениям или неточностям. С вашего позволения он сейчас сделает очень важное – можно сказать, ключевое – сообщение, касающееся этого вопроса.

– Товарищ Одинцов, – прервал наконец свое олимпийское молчание Сталин, – мы вас очень внимательно слушаем...

После этих слов в воздухе на некоторое время повисла ватная тишина.

– Значит, так, товарищи, – произнес Одинцов, – наши ученые, занимающиеся этим вопросом, установили, что с определенного момента по отношению к нашим мирам уже нельзя с полной ответственностью применять термины «прошлое» и «будущее», поскольку исторические процессы в них полностью утратили между собой причинную связь. С какого-то определенного момента – скорее всего, с 22 июня известного года – изменения в вашем мире стали необратимыми, в силу чего он отделился от так называемой Главной Последовательности, из нашего прошлого став просто параллельным миром, лежащим по отношению к нам на более раннем участке временной шкалы. В силу этого и стало возможно открывать порталы не только от нас к вам, но и наоборот.

– Лаврентий, – спросил Сталин, – ты что-нибудь понял? Ты же ведь все-таки почти инженер.

– Да, товарищ Сталин, – ответил Берия, – понял. Теперь, благодаря присутствующим здесь товарищам, мы сами определяем судьбу своего мира, а не катимся в будущее по один раз кем-то проложенным рельсам. Ведь так же, товарищ Одинцов?

– Да, так, – подтвердил куратор самого секретного проекта в истории Российской Федерации, – точнее, мы с вами совместно определяем судьбы обоих миров, поскольку ни к чему иному взаимный обмен эксклавами привести не мог.

– И это тоже верно, – подтвердил Берия, – очевидно, нам придется привыкать жить, имея перед глазами две сетки координат.

– В этом случае, – произнес Сталин, – есть мнение, что мы могли бы немного, как это у вас говорят, потроллить ваших так называемых западных партнеров тем, что, мол, поскольку мы союзники, то любые угрозы и шантаж в ваш адрес воспринимаются нами предельно остро. И если их действия выйдут за дипломатические рамки, став чем-то большим, чем просто разговорами в пользу последователей прибалтийских фашистов и самостийных украинцев, мы тоже можем задействовать свои войска, в том числе и специального назначения, расквартированные в настоящий момент на территории Западной Европы сорок первого года. Угроза на угрозу, шантаж на шантаж. Я думаю, что ваши западные партнеры прекрасно поймут аргументы подобного рода.

– Конечно, товарищ Сталин, спасибо, – сказал президент Путин, – но лучше не надо произносить такие вещи вслух. Суверенитет Российской Федерации надежно обеспечивают стратегические ядерные силы, воздушно-космические силы, сухопутная армия и военно-морской флот, а то, что вы сейчас сказали, наши «партнеры» поймут и без слов. Не такие уж они и дураки.

После этих слов президента Шойгу и Герасимов дружно кивнули.

– А в случае войны? – спросил маршал Шапошников. – Ведь мы должны вам как минимум один глобальный исторический сдвиг.

– А в случае войны, – сказал Путин, – возможно все. Но в наших условиях, когда мир нашпигован ядерным оружием, все-таки было бы желательно избегать резких движений. Все изменения на мировой политической сцене должны происходить настолько плавно и постепенно, чтобы у наших загнанных в угол «партнеров» не возникало соблазна нажать на кнопку и по принципу «не доставайся же ты никому» бросить мир в пекло ядерной войны. Поэтому в ближайшее время было бы желательно немного сбавить темп и отложить реинтеграцию Грузии и стран Балтии – особенно стран Балтии, которые являются членами НАТО...

– Об этом НАТО мы тоже позаботимся, гадить больше не будет, – зловеще ухмыльнулся Берия, – дайте только срок. Вы уж поверьте, товарищи – соответствующая работа с Германией, Францией, Италией и прочими мелкими членами уже идет, разумеется, пока на нашей стороне. Но скоро мы перебросимся и к вам. Французы будут заниматься Францией, бельгийцы – Бельгией, немцы – Германией, а американцы – Америкой. Сделано все будет так, что комар носа не подточит.

– Все это хорошо, – кивнул президент Путин, – но в связи с тем, что теперь у СССР сорок первого года появились территории в две тысячи восемнадцатом году, я считаю, что вам необходимо установить дипломатические отношения не только с Российской Федерацией, но и с другими странами мира. Посмотрим, как Запад отреагирует на такой ход. А пока было бы сделать еще одно совместное официальное заявление нашего МИДа и вашего НКИДа о том, что СССР и Российская Федерация являются союзниками и что нападение на одну страну автоматически является нападением на другую.

* * *

1 апреля 2018 года (11 сентября 1941 года) 15:25. Польша-2018, Варшава, Резиденция президента Польской республики во Дворце Радзивиллов, Кабинет Президента

Присутствуют:

Президент Анджей Дуда (эксПиС);
Премьер-министр Беата Шидло (ПиС);
Министр иностранных дел Витольд Ващиковский (ПиС);
Министр национальной обороны Антоний Мацеревиц (ПиС);
Министр без портфеля, координатор работы спецслужб Мариуш Каминьский (ПиС);
Министр внутренних дел и администрации Мариуш Блащак (ПиС);
Министр культуры и национального наследия Петр Глиньский (ПиС);
Министр финансов и развития Матеуш Моравецкий (ПиС);
Министр государственной казны Давид Яцкевиц (ПиС);
Министр здравоохранения Константин Радзивилл (ПиС);
Министр семьи, труда и социальной политики Элжбета Рафальская (ПиС).

Собравшихся в президентском кабинете польских политиков трясло от приступов неконтролируемой злобы, вызванной в первую очередь происходящим на востоке. Нет, особой любви к украинским националистам их польские коллеги не испытывали. Скорее, наоборот, было желание, чтобы все они сдохли, сгинули, испарились, превратились в рабов, удел которых – мыть грязные сортиры, собирать яблоки и взапас целовать желтые панские чоботы. По ту сторону границы полякам отвечали взаимностью, обзывали их «юзеками» и рассказывали анекдоты об их тугодумии и тупоумии, имеющие, между прочем, под собой вполне реальные основания.

Но те и другие больше, чем друг друга, ненавидели живущих на востоке «москалей» и «кацапов», чья огромная страна раскинулась от Балтийского моря на западе до Тихого океана на востоке и от Северного Ледовитого океана (разумеется) на севере до жарких азиатских пустынь на юге. В недрах огромной Москалии (или Московии) хранилась вся таблица Менделеева, в том числе два самых главных «элемента», в которых так нуждалась Европа – нефть и газ. А особо самые восточные из всех европейцев и «цевропейцы» ненавидели ту разновидность москалей, которых они называли «москальи-совки». Внезапное появление два с половиной месяца назад на политическом горизонте победоносного сталинского СССР ввергло польскую политическую элиту сначала в состояние шока, а потом вызвало приступ дикого политического бешенства.

Спусковым крючком для полного отрицания всего, что делали Сталин с Путиным, послужило прибытие с территории Белоруссии нескольких пассажирских поездов, набитых самыми настоящими, и в то же время живыми и здоровыми польскими офицерами из пресловутого лагеря в Катыни. Да как они посмели, эти двое, не расстрелять пару сотен никому не нужных «офицеров и жолнежей», и тем самым порушить одну из самых важных политических легенд нынешней Польши? Польским политикам мерещились ехидно посмеивающийся российский президент и хитро поглаживающий усы советский вождь. Некоторые горячие головы в польском правительстве уже готовы были отдать приказ расстрелять «хроноэмигрантов» из сорок первого года и сделать вид, что их никогда и не было. Но время для этого было упущено. К моменту прибытия первого эшелона с офицерами русская агентура в Польше собрала у погранперехода такое количество польских и иностранных корреспондентов, что отрицать что-либо и заявлять: «их там не было» не мог даже грабленный умишком польский министр обороны Антоний Мацеревиц.

В конце концов, неудобных офицеров загнали подальше с глаз долой и постарались сделать так, чтобы о них забыли. Правда, продолжалось это до той поры, пока группа депортированных из сорок первого года польских военнослужащих не заявила в российское посольство и не потребовала от союзников Сталина, чтобы их вернули обратно. Мол, они раскаялись, одумались и возжелали, чтобы там им дали возможность «вступить в прокоммунистическую армию Берлинга и сражаться с нацистами до последней капли крови».

Вонь, конечно же, после всего случившегося поднялась до небес. Как только ни обзывала официальная пресса этих польских патриотов, наконец-то понявших, в какое дерьмо они вляпались в XXI веке. Ни на какой фронт в сорок первый год эти офицеры, разумеется, не поехали. Вместо этого их были объявили спятившими в результате русской пропаганды и поместили в закрытый пансионат для психбольных, расположенный (вы будете смеяться) в Белостокском воеводстве, неподалеку от Ломжи. Впрочем, несколько дней спустя они бесследно исчезли из наглухо закрытого больничного блока, причем вместе с ними испарились два охранника и три могучих санитаров.

Но это все были еще цветочки. В то время как в забарьерном мире Сталин с помощью Путина побеждал своих врагов (о чем часто и подробно сообщали российская пресса и телевидение) польскому правительству «писюнов» (от аббревиатуры «ПиС» – партия «Право и Справедливость») оставалось лишь в ярости скрежетать зубами и негодуяюще топтать ногами.

Но потом у юго-восточного соседа Польши, который уже давно считался политическим трупом, случилось то, что польские политики посчитали ударом по своим личным интересам. Объявившиеся на Донбассе кровавые сталинские опричники в течение нескольких дней разгромили прогнившую армейско-карательную группировку на Донбассе, а потом ввели свои войска в Киев и объявили о ликвидации украинской государственности и присоединении территории современной Украины (за исключением Донецкой и Луганской областей) к территории Украинской советской социалистической республики сорок первого года. А руководящие органы ЕС и НАТО отделались лишь невнятным бормотанием, осуждающим «советскую агрессию».

Вот тогда-то в Варшаве и поняли, что такое взрыв бессильной ярости и насколько он может быть разрушительным. Эта самая ярость и привела несколько самых отморозенных «писюнов» (вроде того же министра обороны Мачаревича и министра иностранных дел Ващиковского) к мысли о вторжении на территорию Украины без объявления войны СССР. Целью этого было присоединение к Польше не только территории «Восточных кресов», но и всей Украины целиком, раз уж русские большевики из сорок первого года объявили о ликвидации ее государственности.

Примерно так же девяносто восемь лет назад, в начале апреля 1920 года, правительство Пилсудского в том же дворце и в том же кабинете обсуждало планы нападения на Советскую Украину. Чем это кончилось, сейчас в Польше порядком подзабыли. Ведь если бы не торопыга Тухачевский, которого в спину подталкивал товарищ Троцкий, то еще тогда, в двадцатом, быть бы Польше очередной советской республикой.

И опять польские правые в едином порыве сомкнулись вокруг президента Дуды ради исполнения вековой мечты гонимого польского панства – создания польского Междуморья⁵. Короткая и победоносная война на востоке Европы стала неизбежной, но еще никто не знал, для кого она будет победоносной, а для кого и не очень.

В своем бряцании прапрадедовскими «карабелами»⁶ польские паны и пани даже не обратили внимания на политические процессы, которые происходили на территории их западного соседа (Германии) после того, как там невзначай, то тут, то там стали возникать санитарные поезда и автоколонны с ранеными в боях солдатами и офицерами вермахта. Это вам не толпа наглых и похотливых арабских или африканских беженцев – это целая армия злых нетолерантных немцев (можно сказать, «пятая колонна»), которые, выздоровев, будут нуждаться только

⁵ «Междуморье» (польск. Międzymorze) – проект конфедеративного государства, которое включало бы Польшу, Украину, Белоруссию, Литву, Латвию, Эстонию, Молдавию, Венгрию, Румынию, Югославию, Чехословакию, а также, возможно, Финляндию, выдвинутый Юзефом Пилсудским после Первой мировой войны. Эта конфедерация должна была простирается от Черного и Адриатического морей до Балтийского, отсюда и название.

⁶ Карабела – тип сабли, имевшей распространение среди польской шляхты.

в двух вещах для того, чтобы снести нынешние власти ФРГ – оружию и авторитетных командирах.

Не обратили польские политики внимание и на то, что пятая статья Вашингтонского договора, предусматривающая коллективную оборону членов НАТО, предусматривает ее лишь в том случае, если страна-член стала жертвой агрессии, а не в том, когда она сама становится агрессором.

Кроме того, Красная армия из сорок первого года представлялась Антонию Мацеревичу и подчиненным ему польским генералам как скопище плохо одетых и недисциплинированных людей, вооруженных трехлинейными винтовками, пулеметами «Максим» и трехдюймовыми пушками времен Первой мировой войны. Война на Украине виделась им легкой прогулкой, когда польская сухопутная армия численностью в сорок восемь тысяч человек⁷ как нож сквозь масло пройдет через плохо вооруженные сталинские орды и в одну неделю выйдет к границе Российской Федерации и побережью Черного моря. А там, глядишь, придет очередь Белоруссии – и настанет великое польское счастье – «от моря до моря».

* * *

5 апреля 2018 года (15 сентября 1941 года) 08:20. РФ-2018, Калининград, отель «Radisson Kaliningrad»

Иван Алексеевич Бунин, русский прозаик и публицист

Немного подумав, я все-таки принял предложение властей забарьерной России о турне по 2018 году. Ехать вместе со мной выказали желание только Вера Николаевна (Муромцева) и не оставляющий нас с ней ни на час Леонид (Зуров). Сначала у меня было сомнение в том, что на это путешествие у нас хватит средств. Но господин Соломин показал имеющийся при нем контракт, в котором говорилось, что помимо выплаты гонораров за серию статей, которые я должен написать о той России, все путешествие – билеты, питание всех нас в первоклассных ресторанах и проживание в пятизвездочных гостиницах – было осуществляться за счет принимающей стороны. На первую часть пути, до Парижа, деньги у господина Соломина были при себе, а там, в Российском представительстве, мы получим все необходимое для дальнейшего путешествия.

Несколько раз внимательно прочитав контракт, я взял со стола свой «паркер» и подписал его. Решение принято – мы едем! В противном случае я мог бы корить себя за нерешительность всю оставшуюся жизнь, ведь в современной мне России не доведется побывать уже некогда, потому что большевистский режим от последних событий в ней только усилился. Кроме того, чтобы написать что-то новое, нужны новые впечатления, а где я их еще мог получить, как не в этой поездке?

Дальше все было просто. За несколько дней приведя в порядок свои дела, а также оставив на хозяйстве Маргариту Степун и Галину Кузнецову и отметившись в местном отделении Народной Гвардии как отъезжающие по делам, мы были готовы покинуть виллу «Жаннет»

⁷ Численность боевого состава польской армии на 2015 год: 48 тысяч человек, 247 шт. танков Леопард-2, 738 шт. танков Т-72, в том числе и собственного производства, 1268 шт. БМП-1, 670 шт. БТР Росомах (Польша-Финляндия), 180 шт. РСЗО БМ-21, 292 шт. 122-мм САУ «Гвоздика», 111 шт. 152-мм колесных САУ «Дана» (Чехословакия). Боеготовность (исправность техники и комплектность личным составом) неизвестна. Численность ударной армии ОСНАЗ генерала Рокоссовского: 77 тысяч бойцов и командиров, 360 шт. танков Т-72Б3, 940 шт. танков Т-55М5, 1720 шт. БМП-1, 2280 шт. БТР-80, 360 шт. РСЗО БМ-21, 432 шт. 122-мм САУ «Гвоздика» и 1344 шт. 122-мм буксируемых пушек Д-30. Боеготовность (исправность техники и наличие личного состава) после европейского похода – 85%. Численность экспедиционного корпуса РФ в 1941 году: 60 тысяч солдат и офицеров, 980 шт. танков Т-72Б3, 2200 шт. БМП-1 и 1520 шт. БМП-2, 470 шт. БТР-80, 1080 шт. РСЗО БМ-21, 792 шт. РСЗО «Ураган», 162 шт. РСЗО «Смерч», 1080 шт. 122-мм САУ «Гвоздика», 792 шт. 152-мм САУ «Акация», 162 шт. 203-мм САУ «Пион». Боеготовность (исправность техники и наличие личного состава) после отражения «Барбароссы» и 2-х месяцев восстановления – 95%.

и отправиться в путешествие. Когда мы улаживали дела с документами, я обратил внимание на то, с каким пиететом новые коммунистические жандармы относятся к журналисту из забарьерной России.

Сев на местный поезд в Граце, мы доехали до Канн; там, немного погуляв по городу, наполненному бежавшими с севера буржуа, пересели на поезд до Марселя. Господин Соломин рассказал, что в XXI веке в Каннах ежегодно в мае проходит международный кинофестиваль, собирающий множество знаменитых политиков, артистов и просто бездельников. Я вспомнил, что и у нас в тридцать девятом году тоже собирались делать нечто подобное после скандала⁸ на Венецианском фестивале тридцать восьмого года, но помешала начавшаяся война. Теперь, когда все кончилось, к этой идее, наверное, снова вернуться, разумеется, если она заинтересует новую власть.

Добравшись до Марселя – этого крупного портового города, полного как пролетариями, так и освободившими их от гнета капитала советскими войсками – мы сели в экспресс «Марсель-Париж», который повез нас на север с теми же резвостью и комфортом, что и в довоенные годы. Время в пути составляло около двенадцати часов, причем большая его часть приходилась на ночь, а остановки планировались только в Лионе и Дижоне. Прибыв в Париж, мы сразу же отметились в российском представительстве (а такое там уже было) и получили билеты на всех четверых на рейс Париж-Кенигсберг авиакомпании «Добролет». К сожалению, вылет должен был состояться только через три дня, потому нам пришлось на это время поселиться в пятизвездочном отеле «Ритц Париж», расположенном на углу улицы Сент-Оноре и проезда к Вандомской площади.

Оказавшись в Париже, я не мог не посетить семью Мережковских, квартира которых располагалась от нашей гостиницы примерно в часе неспешной ходьбы. Как ни странно, господин Соломин отнесся к идее прогуляться до авеню дю Клонель Боннэ, дом 11-бис, с такой же брезгливостью, как если бы мы собрались посетить каморку золотарей. Сначала я не понял причин такой ненависти к этим двум русским писателям, но потом вспомнил, что накануне краха Третьего рейха Дмитрий Мережковский выступил по оккупационному радио с речью, которую вообще не стоило бы произносить. В частности, он сравнил Гитлера с современной Жанной д'Арк и пожелал России и русскому народу полной гибели, если они немедленно не отвергнут иго большевиков. Кроме того, Мережковский воспринимал русский народ как некую безликую серую массу, некоего коллективного зверя из бездны.

Насколько я понимаю, там, в России господина Соломина, царят прямо противоположные убеждения. К примеру, они считают, что большевики приходят и уходят, а Россия остается. Или, что серая масса народа, в конце концов, говоря алхимическим языком, является тем самым первоэлементом, из которого на свет появляется все разнообразное многоцветье человеческой культуры. Схожих убеждений придерживался мой старый знакомый, известный широкой публике⁹ как Максим Горький, да и Антон Павлович Чехов, с которым я одно время был близок, тоже рассуждал подобным образом.

⁸ Идея проведения международного кинофорума во Франции возникла в связи с ростом популярности фестиваля в Венеции. Формат итальянского фестиваля в начале и середине 1930-х был весьма спорным. Франция и другие ведущие европейские кинодержавы оказывались слабо представлены по сравнению со страной-организатором. Фестиваль 1938 года, в котором один из главных призов завоевала «Олимпия» Лени Рифеншталь, закончился скандалом. В знак протеста возможному вмешательству в ход фестиваля администрации Гитлера, американская и британская делегации покинули форум. В результате французская сторона пришла к решению о проведении собственного фестиваля с независимым жюри и широким представительством всех стран. Впервые фестиваль должен был пройти в сентябре 1939. Инициатором проведения форума стал министр образования Франции Жан Эй. Почетным Председателем жюри был назначен Луи Люмьер. В программу были включены американский фильм «Волшебник страны Оз» и советский фильм «Ленин в 1918 году». Однако открытие фестиваля сорвалось в связи с начавшейся в Европе Второй мировой войной. Впервые проводился в 1946 году с 20 сентября по 5 октября в курортном городе Канн на французском Лазурном Берегу. Первым в фестивальной программе продемонстрировали советский документальный фильм «Берлин» режиссёра Юлия Райзмана.

⁹ Настоящие фамилия и имя Максима Горького – Алексей Пешков.

Кстати, Мережковский завопил о Грядущем Хаме задолго до наступления всех этих буржуазных и большевистских переворотов и краха той России, которая дала нам жизнь. Так что, возможно, господин Соломин и не был так уж неправ в своем неприятии его персоны.

Но, несмотря на свое резкое неприятие Мережковского как человека и литератора, господин Соломин не отказался проводить меня, Веру Николаевну и Леонида в дом к несчастным изгнанникам с русской земли, которых не хочет принимать и буржуазная Россия. Всю дорогу от гостиницы к дому Мережковских мы шли молча; только один раз нас остановил большевистский военный патруль, но господин Соломин показал им маленькую красную книжечку – и старший патруля махнул рукой, отдавая нам честь и делая знак, чтобы мы шли своей дорогой. Так же молча мы поднялись к квартире Мережковских и позвонили в дверь. Звонок не работал, и мне пришлось несколько раз постучать.

Открыла нам сама Зинаида Гиппиус. Эта совсем недавно вполне живая и бойкая женщина сейчас была похожа на седую изможденную каргу, тень самой себя. А Дмитрий Мережковский при нашем приходе спрятался под кровать и не хотел из-под нее вылезать. Оказывается, уже месяц с того момента, как в Париж вошла Красная Армия, этот несчастный человек каждый день ждет, что его придут арестовывать агенты ЧК. А те все никак не приходят, и это ожидание совершенно свело его с ума. И вообще, в доме не было ни сантима денег, ни крошки еды. С более-менее оставшейся в здравом уме Зинаидой не разговаривали ни соседи, ни знакомые, а те, что все-таки начинали говорить, лучше бы помолчали.

Попросив господина Соломина оставить Гиппиус немного денег (он беспрекословно исполнил нашу просьбу), мы поспешили покинуть этот дом, словно это был лепрозорий. Мы поняли, что именно таким образом Родина или Господь Бог наказывают тех, кто предал самое святое, что может быть у человека: родную землю, могилы предков и память о своем народе. Ваш покорный слуга хоть и уехал из России (как он тогда думал, навсегда), но никогда ее не предавал и не призывал на ее землю иностранный захватчиков, называя их освободителями от коммунизма.

Когда мы вернулись в гостиницу, господин Соломин позвонил куда-то по телефону и довольно долго разговаривал по-французски с неким «товарищем Полем». Потом он положил трубку и сказал, что договорился, чтобы Мережковского положили на обследование в психиатрическую клинику, а вместе с ним позаботились и о Зинаиде Гиппиус. На первых порах она будет кем-то вроде сиделки при муже, а далее будет видно, как пойдут дела. Но, в любом случае, решено, что они оба уже никогда не будут заниматься литературным творчеством. Все. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит.

Два дня, оставшихся до перелета в Кенигсберг, прошли в мрачном и тяжелом настроении. У меня уже не раз возникал соблазн плюнуть на эту проклятую поездку, вернуться на виллу Жаннет и больше никогда не покидать ее. Такие же мысли порой появлялись у Веры Николаевны и у Леонида. Но поступить таким образом нам помешали подписанный контракт и банальное человеческое любопытство, зовущее туда, где мало еще кто был из нашего мира. Кроме того, имела место и обычная человеческая порядочность. Ведь мы обещали приехать, при этом не ставя никаких дополнительных условий. Кроме того, если поразмыслить, то Мережковского действительно могли арестовать, посадить в тюрьму, расстрелять, в конце концов. Вместо этого их с Гиппиус просто изолировали от общества. Позднее господин Соломин сказал, что в его мире и у Мережковского, и у Гиппиус имеется некоторое количество последователей, которые оставляют после себя довольно гадостное впечатление, и мы еще увидим этих людей во всем их мерзком великолепии.

Но, как бы там ни было, через три дня после описанных событий мы стояли на летном поле аэродрома «Ле-Бурже» и ждали посадки на ярко размалеванный лайнер «Ильюшин-114» российской авиакомпании «Добролет». Российский самолет больше всего был похож на немного увеличенную копию американских самолетов ДС-3, несколько штук которых с

эмблемами «Эйр-Франс» стояли неподалеку. Только летал самолет из забарьерной России в два раза быстрее и перевозил в два раза больше пассажиров.

На наш прямой вопрос о сходстве этих двух самолетов господин Соломин сказал, что большевики в свое время купили в Америке лицензию на производство ДС-3, который у них поначалу назывался ПС-84, а потом Ли-2. Позднее в СССР спроектировали усовершенствованную версию этого самолета, который превратился в Ил-12, а затем, после еще одного перепроектирования, в Ил-14. Таким образом, Ил-114 – это праправнук присутствующего здесь ДС-3. Выслушав лекцию о том, как в СССР размножались самолеты, мы кивнули и проследовали на посадку.

Полет продолжался чуть больше двух часов. Я даже умудрился при этом заснуть, уткнувшись носом в иллюминатор. И вот под крылом самолета мы увидели умытый тихим осенним дождем Кенигсберг, совершенно не тронутый войной, которая прошла мимо него стороной. После исполнения всех пограничных формальностей мы оказались фактически на Российской территории, поскольку вся Восточная Пруссия была передана в прямое управление забарьерной России, и не было в нашем мире такой силы, которая могла бы это оспорить. Повсюду звучала немецкая речь, но в городе нам встречалось немало русских.

Формальности для перехода из мира в мир были ничуть не меньшими, чем в аэропорту. После них нас сразу отвели в короткий заканчивающийся тупиком коридор, с одной стороны которого находилась транспортная лента, а с другой имел место проход для людей. Носильщики поставили наш багаж на транспортер и удалились, а господин Соломин сказал, что сейчас на ту сторону откроется проход, и нам надо будет быстро проследовать по нему в XXI век. Почти сразу загудел зуммер, и прямо перед нами в середине коридора вспыхнула яркая зеленая точка, которая мгновенно превратилась в сквозной проем, за которым был точно такой же коридор, но на этот раз с дверью. Включился ленточный транспортер, и наши чемоданы и баулы резво поползли в будущее, после чего мы все, вспомнив наставления господина Соломина, устремились за ними следом.

Переход прошел абсолютно незаметно. Здание межвременного пограничного перехода было похоже на то, которое мы наблюдали в своем мире. Но город по ту сторону барьера был совсем другим, ничуть не похожим на Кенигсберг нашего времени. На мой вопрос, почему так получилось, господин Соломин ответил, что в этой реальности Кенигсберг, прежде чем стать Калининградом, был почти до основания разрушен в ходе той ужасной войны, которую у нас взяли предотвратить пришельцы из XXI века. Три дня и три ночи по городу непрерывно била советская осадная артиллерия особо крупных калибров, а сверху с огромных самолетов на него падали сверхтяжелые бомбы. И было этих орудий и самолетов так много, что от города не осталось буквально ничего.

Штурмующие Кенигсберг большевистские армии потеряли чуть меньше четырех тысяч человек – совершенно ничтожные потери для операции таких масштабов, а обороняющиеся германские войска потеряли сорок две тысячи солдат и офицеров убитыми и семьдесят тысяч пленными. Операция, как сказал господин Соломин, проводилась по-суворовски – не числом, а умением. Мне пришлось признать, что в ту, нашу первую войну, русское воинство ни разу не смогло добиться подобных успехов на поле боя. Неудивительно, что потомки берегут память предков и не предают ее.

Поселили нас в лучшем пятизвездочном отеле «Radisson Kaliningrad» в самом центре заново отстроенного после той войны города, в котором совершенно не осталось немцев. С одной стороны от отеля находился проспект генерала Черняховского. С другой стороны – площадь Победы с величественным монументом в честь разгрома Германии и православным собором Христа Спасителя. Этот храм был больше всего нужен моей душе... Я хотел разобраться в себе, отстраниться от мирской суеты со всеми ее фальшивыми чудесами; ибо не чудеса это на самом деле, а обычные изделия рук человеческих.

Поэтому, оставив вещи в номере и едва бросив взгляд на его великолепную обстановку, мы с Верой Николаевной и Леонидом отправились в собор, чтобы утешить свои души и поставить свечки за упокой русских воинов, погибших на этой и всех прочих войнах. Потом, выйдя из собора, мы пошли не в гостиницу, а на площадь Победы, чтобы, по местному обычаю, постоять у колышущегося на ветру пламени вечного огня, означающего неугасимую в веках доблесть русского воинства.

Вечером, когда мы уже почти привыкли к здешним реалиям, поняв, что большевики принесли России не только зло, пришел господин Соломин. Он сказал, что забронировал для нас билеты на завтрашний рейс в Москву. Но завтра (то есть уже сегодня) никакого рейса не было, потому что стало известно, что здешняя Польша напала на наш СССР из-за того, что тот воюет с тамошним эмигрантским польским правительством, а также вторгся в отделившуюся от России здешнюю Украину. А так как эта Россия – союзник нашего СССР, то воздушное пространство над Балтийским морем и Польшей до окончания боевых действий закрыто для пролета гражданских воздушных судов. Вы что-нибудь поняли? Я тоже. Но в любом случае остается только сидеть и ждать у моря погоды, буквально из партера наблюдая за местной войной, или, как тут говорят, «Финалом хохлосрача».

Тем более что для этого были все возможности. Таких наглых журналистов, лезущих с камерой и микрофоном в любую дырку, в нашем мире не встречалось. Несколько телевизионных каналов, и среди них несколько европейских, наперебой предлагали свою точку зрения на происходящие события, и зачастую от сказанных с экрана слов хотелось набить им физиономию. Где-то там, пока еще далеко от этих мест, на галицийских полях, умирали люди, в том числе русские люди, и в ближайшее время в войну могла втянуться вся здешняя Европа. А эти болтуны на полном серьезе обсуждали, кто от этого больше получит выгод и какие дополнительные возможности имеются у противоборствующих сторон.

Господин Соломин сказал, что если тут станет по-настоящему опасно, то нас немедленно переправят обратно в сорок первый год. Никто нашими жизнями рисковать не станет. Ведь в Российскую Федерацию можно попасть и через Смоленск, Москву, Ленинград-Петербург, Воронеж, Курск, Ростов-на-Дону, и так далее...

* * *

8 апреля 2018 года (18 сентября 1941 года), Утро. Киев-2018, штаб Украинского фронта

Командующий фронтом генерал-лейтенант Константин Константинович Рокоссовский

Когда три недели назад я получил приказ на проведение Освободительного похода на Украину-2018 года, у меня не было никаких сомнений в абсолютной правильности этого шага. Люди тут были хоть и заморочены четвертью века враждебной пропаганды, но были способны к позитивной реморализации¹⁰, а следовательно, подлежали реабилитирующим мероприятиям, которые могли вернуть им возможность вести нормальную жизнь, а не только ненавидеть «москалей» и скакать на площадях.

На самом деле последняя часть моей фразы – это местный фразеологизм. Если сесть и задуматься над тем, что именно произошло на Украине после распада СССР... Кое-кто может сказать: «Зачем тебе думать? Ты же военный, целый генерал. Фуражка там, или папаха по зимнему времени, на голове держится – и ладно. А если что надо, достаточно только приказать – и подчиненные все необходимое принесут в зубах. Но, как говорил герой одной очень понравив-

¹⁰ Позитивная реморализация – это процесс т. н. "улучшающего" воздействия на мораль человека, нацеленный на то, чтобы вернуть ее в исходное, считающееся нормальным состояние.

шейся мне кинокомедии будущего, «это не наш метод». Во-первых, потому, что генерал, которому голова нужна только для ношения фуражки, бывает хорош до первого выстрела в войне. А что бывает потом, мы проходили и в русско-японскую, и в германскую, и даже в гражданскую, когда и у наших, и у белых на первый план выступили совершенно неожиданные личности, а генералы старой армии (ну, может быть, за исключением Деникина) как-то потерялись, или, потерпев поражение, быстро сошли со сцены. Во-вторых – товарищ Сталин, назначив меня командующим Украинским фронтом, не направил сюда никаких иных властей – ни временных гражданских, ни партийных. А обычные для нашей страны представители советской власти тут еще отсутствуют. Их надо будет еще избрать. Но это только после той самой позитивной реабилитации и социальной реабилитации большей части местного населения. А пока в городах, районах и областях есть военные комендатуры, в них – военные коменданты, и все это вместе подчиняется мне и (по политической части) члену военного совета фронта дивизионному комиссару Леониду Брежневу. А мы подчиняемся только товарищу Сталину. И точка!

Так что, если не думать, то дров можно будет наломать – до конца жизни печь топить хватит. Как говорят умные люди, после распада СССР значительная часть украинского народа захотела сменить идентичность с советской на европейскую или даже, хуже того, американскую. Когда какой-нибудь человек начинает воображать себя кошкой или собакой, бегающей на четвереньках, виляет отсутствующим хвостом, мяукает или лает, то к нему приезжают врачи и увозят в специальное заведение с обитыми матрасами стенами, где ему пытаются вправить на место вывихнутого психику.

Возникает вопрос: каким образом можно увезти в дом скорби несколько миллионов украинцев, вообразивших, будто они це-европейцы, и что Америка, и, тем паче, «весь мир» – с ними? Ради этой идеи они готовы жечь на площадях покрывки, скакать, собравшись вокруг этих костров, изображая из себя бабуинов во время гона, а также убивать своих сограждан, которым все это кажется дикостью. К тому же времени, когда товарищ Сталин решил излечить этот «дом скорби» с населением в несколько миллионов душевнобольных, самые буйные его обитатели, совершив госпереворот, захватили в ней власть. И теперь все прочие сограждане – больные в легкой форме и совершенно здоровые – были вынуждены жить с психами в одном государстве, постепенно заражаясь националистическим психозом как от своих соседей, так от пропаганды, которую ведут средства массовой информации.

А источником этой умственной заразы оказались территории, включенные товарищем Сталиным в 1939 году в состав Украинской ССР, но до того никогда не входившие в состав Российской империи. Речь идет о Галиции. Поэтому, освобождая территорию Украины от власти националистических цеевропейских вырожденков, наши войска и части НКВД остановились по линии старой границы 1913 года, как бы оставляя своего рода прокладку между ресоветизируемой территорией и местной объединенной Европой. Причем, Ровенскую область включили в список ресоветизируемых исключительно из тех соображений, что на ее территории находится Ровенская атомная электростанция – не только особо важный объект в плане промышленности и экономики, но еще и источник огромной опасности, если эта станция попадет в руки злоумышленников или станет объектом для бомбардировки во время боевых действий.

Но, как оказалось, список безумцев украинскими це-европейцами отнюдь не исчерпывался. В моей родной Польше у власти тоже оказались безумные националисты, решившие, что они с легкостью разгромят войска моей армии и захватят всю Украину, реализовав вековую мечту польской шляхты – «Польшу от можа до можа» – то есть от Балтийского до Черного моря. А местная Российская Федерация якобы не решится вмешаться, потому что в таком случае она будет иметь дело с объединенными армиями местного капиталистического мира. В России тоже правят капиталисты, но для мировых воротил, видимо, это не главное, раз уж они так на нее ополчились. Основанием начала боевых действий для нынешнего польского правительства послужило то, что в 1941 году СССР находится в состоянии войны с польским прави-

тельством в изгнании, и началась она с освободительного похода Красной армии на «Восточные креслы» Польши в сентябре 1939 года.

При этом военные деятели местной Польши даже не поинтересовались ни тем, какие силы им противостоят и как они вооружены, ни фамилией командующего советской группировкой на Украине. Польская армия ринулась в бой без всякой разведки – что называется, с карabelaми наголо и развернутыми хоругвями – форсировав Буг, который, как и у нас, был границей между Польшей и Украиной. В такие моменты становится стыдно за людей, которые тоже называют себя поляками¹¹.

Пересекая границу польские войска тут же столкнулись с противником, но не с частями моей армии, а с украинскими националистическими формированиями и остатками украинской армии, которые они тут же принялись разоружать и загонять в лагеря для интернированных. Видно, кому-то стало неуютно от того, что рядом с ними ходят люди с оружием, и эти люди после «москалей» больше всего ненавидят поляков, и, несомненно, при случае не упустят случая воткнуть нож в спину вчерашнему союзнику.

В ответ на разоружение и интернирование националистические формирования и остатки украинской армии стали оказывать полякам вооруженное сопротивление, которое в свою очередь разозлило польское командование. Польская авиация принялась бомбить военные городки украинской армии и так называемые базы националистов, убивая не только вооруженных людей, но и находящееся поблизости гражданское население.

Эта заминка дала нам возможность перегруппироваться и привести наши части в боевую готовность к отражению польской агрессии. А в 1941 году началась подготовка к контрнаступлению, потому что, как выразился майор ГБ Филимонов, «межмировые порталы – наше главное стратегическое оружие».

Но одновременно с налетами на Львов, Луцк и Черновцы начались рейды польской авиации на территорию Украины 2018 года, подконтрольную СССР. Совершенно непонятно, чего польское командование хотело этим добиться, потому что никаких стационарных объектов, пригодных для атаки управляемыми бомбами калибром от двухсот пятидесяти килограмм до тонны в 2018 году у нашей армии не было и в помине. А цель типа «группа танков» таким вооружением поразить сложно. Да польские летчики таких целей и не искали. Вместо того они начали поражать склады, аэродромы и военные городки бывшей украинской армии.

При этом дождливая погода что стоит обычно на Украине в начале апреля, отнюдь не способствовала успешному применению управляемых бомб американского производства с так называемым лазерным наведением. Из-за плохой видимости луч лазера рассеивался, и чтобы поразить цели, польским самолетам американского производства (а только они могли нести такие бомбы) приходилось снижаться до предельно малых высот и подлетать к атакуемым объектам почти вплотную. В результате этого четыре самолета типа F-16 сбили наши зенитчики, которые перед началом действий в XXI веке были усилены интегрированной в общую систему ПВО России и Белоруссии тактической системой войсковой ПВО «Барнаул-Т». На них работали российские специалисты.

Польский самолет только взлетал со своего аэродрома, а наши зенитчики уже об этом знали и готовили ему теплую встречу. Три самолета противника были сбиты переносными зенитными ракетами типа «Верба», а еще один располосован «Шилкой».

На второй день войны передовые части польской армии наконец прошли через оставленную нами в качестве буфера Галицию и вступили в боестолкновение с частями моей армии. При этом мы не старались удержать за собой какую-то территорию или населенные

¹¹ Посмотрите на фотографии Рокоссовского и его «оппонента» Мацеревича. Красавец-мужчина, блестящий генерал и любимец женщин – и против него «звезда» цирка уродов, а также пациент психиатрической больницы. Хотя, быть может, Мацеревич считает, что это русские и лично Путин виновны в том, что он таким уродился, и именно оттого так сильно бесится?

пункты. Зачем? Задача, поставленная мною командирам механизированных корпусов генералам Рыбалко и Лелюшенко, была проста как мычание. Все неважно, кроме одного – не попадать под прямой удар и не стоять нерушимой стеной. Надо маневрировать и уклоняться, при этом наносить вторгнувшейся польской армии максимальные потери. Главное – сжечь их танки, БМП и самоходные орудия, истребить солдат и офицеров. Для этого в составе механизированных корпусов имелось все необходимое. Пусть польская армия дойдет хоть до окраин Киева – но при этом она истает, как кусок мороженого под жарким летним солнцем.

Так и вышло. В приграничных районах закрутилась смертельная мясорубка, тем более что с самого утра установилась нелетная погода. Россияне подвезли и подключили свои комплексы радиоэлектронной борьбы, в результате чего польская авиация ослепла и оглохла, а армейские части стали терять управление из-за отсутствия радиосвязи. В этот момент польскому правительству стоило бы уволить министра обороны, оттянуть войска за линию границы и извиниться, свалив все на скорбного головой Мацеревича и обвинив его в превышении полномочий. Однако вместо того польский министр иностранных дел Витольд Вашиковский обратился к правительствам других буржуазных стран и руководству Североатлантического военного союза и объединенной Европы с просьбой о военной помощи «в связи с агрессией Российской Федерации». Зря он это сделал, потому что война теперь пойдет совершенно по иным правилам...

* * *

8 апреля 2018 года (18 сентября 1941 года), Полдень. Львов-2018

Западноукраинский обыватель и националист Роман Калитовский.

Рятуйте, добрые панове! Без ножа режут! Мы думали, что Польша це Европа – так нет, никакая она не Европа, а польские жолнежи и жандармы – это не культурные и цивилизованные люди, а дикие и невоспитанные варвары! Теперь мы и в самом деле в Единой Европе, потому что в нашу гордую и свободолюбивую Галицию, которую не решился захватывать кровавый тиран Сталин, вошла польская армия, которую мы все считали освободительницей и защитницей. Но, вы представляете, в первый же день ко мне в квартиру в сопровождении польских жандармов вломился какой-то тип, представившийся паном Лешекком Замойским из Кракова, который заявил, что у него есть документы о том, что до июля 1941 года эта квартира принадлежала его деду, пану Вацлаву Замойскому. А посему, по принятому в Польше закону о реституции, я тут незаконный скваттер и захватчик, и должен убираться из дома в трехдневный срок без предоставления другого жилого помещения. Мол, он, пан Лешек, не обязан снабжать жильем всякое галичанское быдло, место которому в панском свинарнике. На мою попытку сказать, что я живу тут всю жизнь, и вообще родился в этой квартире, пан Лешек только гнусно ухмыльнулся, а один из польских жандармов съездил меня по роже дубинкой, чтобы, как он заявил, я не болтал лишнего.

– Вот тебе свобода, пся крев, вот тебе Европа, вот тебе пенсии в еврах, – сказал мне на прощание пан Замойский, – мы выгнали немцев из Померании и Пруссии, когда забрали их себе, выгоним и вас, много о себе мнящих, из Галиции и Волыни. Остаться смогут только те из вас, которые согласятся пасти для нас свиней и мыть унитазы.

Но все это было только цветочками. После того, как польская армия вошла в наш прекрасный тихий город, в нем то тут, то там загремели выстрелы. Это части нашей армии и вооруженные отряды ополчения Правого Сектора, Свободы и Самопомочи, которые поляки хотели разоружить и отправить в лагеря для интернированных, не захотели отдавать оружия и оказали вооруженное сопротивление. Некоторое время спустя, уже ближе к вечеру, по всему городу

завучали сильные взрывы. Оказалось, что поляки бомбили наши воинские части и места дислокации ополченцев с самолетов якобы высокоточными бомбами, при этом руки у юзек¹²

¹² Юзек – собирательное прозвище поляков в Западной Украине. Анекдоты «про юзек^{ов}» в советское время там были также популярны как в России анекдоты «про чукчей» и несли в себе примерно тот же смысл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.